

На новом рубеже

На фронте, в часы затишья, солдат мечтательно говорил солдату: «А помнишь...»

«До войны!» Эти слова определяют не только время, но только известную календарную дату. И не только дорогое воспоминание о достатке и изобилии, достигнутых нами перед войной, заставляло произносить два этих коротких слова с взволнованной мечтательностью. Труд восстановления, боевая задача, осознанная каждым, дело, ожидающее новых усилий от тебя, от всего народа, — вот что заключено в двух словах, так часто произносившихся в военные годы.

Мы помним, что было до войны, мы вернем наше счастье полной мерой и пойдем дальше, в новом, еще невиданном расцвете. — Вот что означают эти слова для сердца солдата, рабочего, ученого, для сердца каждого советского человека. В этих словах — и неземная вера в будущее, и сознание собственного долга.

Мы оглядываемся назад не для того, чтобы помечтать о прошедшем, а лишь для того, чтобы увереннее и точнее продолжать свое движение вперед. Но прошлого мы не забываем. С особой остротой помним мы все, что произошло в трудное лето 1941 года, когда внезапное вторжение врага превратило привычное и нормальное течение нашей мирной трудовой жизни.

Нужно было отстоять страну, отстоять во что бы то ни стало. Только об этом думал каждый из нас, только этому были подчинены все отрасли народного хозяйства. «Все для фронта, все для победы!» Этот призыв родился в сердцах самого народа. Мы ступили посяе потуже и начали распределять накопленные страной запасы так, чтобы их хватало на время долгой и трудной войны. Так родилась карточная система распределения продовольственных и промышленных товаров.

По карточкам во все время войны продукты отпускались населению по прежним довоенным ценам. Этого не было и не могло быть ни в одной другой из воюющих стран. Всюду, кроме нашего советского государства, неурядливо взвинчивались цены на все товары и стремительно падала стоимость денег. Сохранить для населения возможность приобрести самое необходимое в пределах установленных норм удалось лишь благодаря социалистической форме нашего народного хозяйства.

И только социалистическая форма народного хозяйства позволила в кратчайший срок подготовить нашу необитаемую страну к возвращению на рельсы предвоенной неограниченной советской торговли продовольствием и товарами широкого потребления.

Уже год спустя после войны, в 1946 году, мы были готовы к отмене карточной системы. Только стихийное бедствие — нежданная засуха, опалившая наши хлебные поля так, как того не бывало на протяжении полувека, помешала осуществить эту реформу год назад.

Между тем, все отрасли производства возвращались к довоенному уровню с быстротой, превосходящей самые смелые надежды. Планы, построенные на строжайшем учете всех технических возможностей, исправляясь, когда входила в действие не поддающаяся учету могучая сила людского энтузиазма, несокрушимая воля советских людей. Рассчитанное на год осуществилось за десять месяцев: то, на что отводили три года, оказывалось сделанным за два. Смейший, казавшийся трудным и напряженным пятилетний план вызвал ответный призыв народа:

— Не в пять, а в четыре!

Многие из того, что было до войны, о чем говорили с мечтой и волнением, оказалось в самый короткий срок достигнутым снова, иное оказалось даже и превзойденным; остальное — близким и достижимым.

Вот наступило время отменить последнюю из оставшихся военных тегов. Мы получили возможность распрощаться с ограничениями карточной системы.

Для того чтобы вновь вернуться к системе неограниченной советской торговли продовольствием и всеми товарами широкого потребления, необходимо обладать

твердой и полноценной денежной системой. А трудности военного времени не могли не отразиться на нашей денежной системе. Огромные военные расходы требовали выпуска в обращение большого количества денег. Кроме того, на временно захваченной территории оккупанты выпустили немало фальшивых денег, сильно засорив этим наше денежное обращение.

В обращении оказалось значительно больше денег, чем это нужно для народного хозяйства.

Сокращение государственной торговли неизбежно открывало поле деятельности для спекулятивных элементов. За шесть лет, в течение которых страна испытывала трудности, связанные с войной, немало спекулянтов сумели накопить на народной беде, зажимая накопленные деньги в кулак.

Сохранить для спекулянтов всю силу этих накопленных ими денег значило бы открыть перед ними полную возможность скрутить товары после отмены карточной системы и дезорганизовать наш рынок.

Избежать этого и ликвидировать излишек денег в стране, порожденный находившимся в обращении фальшивками, можно лишь при помощи денежной реформы.

Мудрость партии и правительства вновь сказались в проведении той трудной и сложной меры, какую является осуществление полной реформы денежного обращения.

Постановление о проведении этой реформы составлено так, что установленный порядок обмена старых денег на новые ударит по спекулятивным элементам. Потери подавляющего большинства трудящихся, связанные с обменом денег, будут кратковременны и незначительны, а отмена высоких коммерческих цен и снижение прежних наймовых цен на хлеб и крупы полностью перевернут эти потери.

«Все же при проведении денежной реформы требуются известные жертвы», — говорится в Постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б). — Большую часть жертв государство берет на себя. Но надо, чтобы часть жертв приняло на себя и население, тем более, что это будет последняя жертва».

Какие знаменательные, мужественные, исполненные любви к народу и заботы о нем слова!

Последняя жертва, к которой призваны нас сейчас партия и правительство, — это последнее усилие, необходимое переход поем на ту вершину, откуда откроется глазу великое расцвет Родины, картины изобилия и достатка.

Полный переход к экономике мирного времени не осуществлен еще ни в одной другой стране из числа переживавших неясную войну. Повсеместно, в Америке и в Европе, все больше и больше сокращается объем производства, растет безработица, проводится наступление на жизненный уровень трудящихся, снижается заработная плата и растут цены на продукты и на товары широкого потребления.

Магнаты американского капитала стремятся спасти свои богатства, забывая разрушенную войной Западную Европу. Лишь странам новой демократии удается вырваться из цепких пупальцев, протянутых через океан.

В Англии не только сохранена карточная система, но и уменьшены нормы отпускаемых продуктов. Во Франции лишь за вышедший год норма хлеба уменьшилась с 300 до 200 граммов в день на человека. В США за 1947 год цены на продовольствие выросли на 40 проц.

Главная тяжесть порожденной войной трудностей в странах капитализма перекладывается на плечи трудящихся.

В нашей стране партия и правительство повседневно отечески заботятся о повышении материального благосостояния трудящихся, всемерно оберегают их от всех тягот и лишений.

Это ощущает каждый. Поэтому постановление вызвало такую волну радости в стране и тот прилив всеобщего энтузиазма, который выразился в словах благодарности, обращенных к великому Сталину, к партии большевиков, к нашему правительству.

Денежная реформа и отмена карточной системы означают достижение желанного и трудного рубежа, новую победу нашего народа, новый шаг к коммунизму.

В этот момент

Л. НИКУЛИН.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 64 (2379)

Среда, 17 декабря 1947 г.

Цена 40 коп.

Новая победа могучего советского государства

Торжество простого человека

Этот декрет поразила меня раньше всего новаторской смелостью. Наша планета еще никогда не видела такого дерзкого нарушения тысячелетних традиций, прочно сложившихся во всех государствах. Трллиши эти сводились к тому, что при всяких реформах подобного рода богатые подлазали богаче еще больше, а бедным — окончательно впадать в нищету. Это считалось законом мировой экономики, установленным на веки веков.

Теперь этот мнимый закон опрокинут. Мы еще раз показали всему миру, что нет такого государственного дела, которого мы не могли бы решить в духе справедливости и совести.

Справедливость и совесть, по которым в Европе и в обеих Америках так истосковался средний простой человек, здесь, в новом декрете, продемонстрированы с необыкновенной наглядностью. Американский писатель Уолт Уитмен давно уже выразил тоску зарубежного

простого человека по той справедливости, которую мы осуществляем сейчас, в следующей горестной формуле:

Пусть всякий, кто живет в этих Штатах, уступает всегда и во всем небольшому числу сволочей! Пусть эти немногие сволочи хватают все, что им вздумается!

Услышав по радио новый декрет, советский простой человек почувствовал с особенной силой свою полную свободу от той социальной механики, которая изложена в этих стихах.

Когда этот декрет оглашался впервые, я находился в библиотеке и видел, как слушали его рядовые читатели — студенты, врачи, профессора, педагоги — слушали празднично, благодарно, с искренним восторгом, и, глядя на них, я еще раз с особенной силой почувствовал единство народа и правительства, народа и партии в нашей великой стране.

Корней ЧУКОВСКИЙ

Подъем творческого вдохновения

Денежная реформа — неизбежное явление послевоенного периода в любой стране. В любой стране, где она проводится, ей неизбежно сопутствуют слезы и стоны. Это казалось само собой разумеющимся. Министр финансов Витте так об этом и говорил: «При денежной реформе государство должно выигрывать, а население проигрывать, иначе какой же смысл в реформе?». В глазах царского министра интересы государства были противоположны интересам народа, и этот взгляд действительно соответствовал истинному положению дел.

Но СССР — государство нового типа. Оно проводит, казалось бы, обычный обмен старых денежных знаков на новые, но производит чудо: население не только не подало этим актом, но, как это видно из выступлений рабочих на заводе «Серп и молот», на фабрике «Большевик», в общезнании «Трехгорной мануфактуры» и т. д., встретило его опубликование с чувством глубокого удовлетворения. Почему? Да потому что мысль законодателя, лишив спекулянтов, взяточников, казнокрадов и мечтателей о кулацком рае их «золотых теней», чрезвычайно бережно подошла к интересам рабочих, колхозников и служащих, сохранив за ними их сбережения в государственных кассах и ни на полпушку не снизив заработной платы.

Второе чудо, связанное с этим актом правительства, выражается в том, что в то время, как любая денежная реформа обличает финансовую слабость государства, эта реформа говорит как раз о силе его. В самом деле: мы помним отчаянную реформу в Австрии после империалистической войны, когда крова была заменена шиллингом, но из этого ничего не вышло, так как спекулянтская валюта на черной бирже с привлечением иностранных денежных знаков создала дикой жлобства: люди торговали валютой, как торгуют зерном, кожей, шерстью. Бумажно-денежная циркуляция

заменила труд, и если судить по книге Пьера Ампла «Экономисты в Вене», претендовала чуть ли не на творчество. Это было эпидемия. Национальный испокон. В графе о занятиях жителей вместо «земледелие», «скотоводство» или «фабрично-заводская промышленность» можно было смело написать: «обмен бумажек на бумажки». Не менее характерны были и метания панской Польши, которая сначала выпустила в качестве единичной польскую марку, затем, поскользнувшись на безудержной ее эмиссии, пыталась заменить ее золотом, когда же и золотой начал катастрофически падать, верорато уменьшилась в нем содержание благородного металла. Как в Австрии, так и в Польше девальвация приваана была прикрыть зияющую дыру в государственном бюджете.

Нужно ли говорить о том, что трудящиеся при этом превращались в нищих? Никогда не забуду траурный плакат на стене гостиницы «Полония» в Варшаве: «Спасите молодежь предместий!» Плакат был вывешен ночью, утром его содрали полицейские. На следующий день в Варшаве, еще более мрачной, — так день за днем, неделя за неделей.

Денежная реформа советского государства во всем звучит по-иному. Она сопровождается правительственным постановлением о резком снижении цен на продукты первой необходимости ввзое и второе. Это значит, что наше государство вполне уверено в завтрашнем дне. Уверенность эта передается народу, который в самом характере советской реформы видит новое доказательство глубокой заботы о нем со стороны правительства, вот почему то, что в других государствах является причиной упадка духовных и физических сил народа, у трудящихся СССР вызывает новый подъем творческого вдохновения.

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

Неколебим и неизменен, Как труд народный, полноценен, Да будет новый знам рубля!

С рублей советских смотрит Ленин И башни древние Кремля.

С. МАРШАК

СИЛА НАРОДА

Давно знакомое волнение охватило нас, когда мы услышали похороны на звон тающих льдинок позывные московской радиостанции. Так было в дни войны перед оглашением сталинских приказов о новой, взятый штурмом крепости, новом форсированном рубеже, новой победе нашего народа. И вот опять прозвучала эта короткая, певучая музыкальная фраза, и диктор взволнованным голосом возвестил о новой победе советского государства, на этот раз в дни строительства, творчества и мира. Страна услышала постановление о проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары.

Народ получает сегодня награду за лишения и жертвы, принесенные ради победы. Со слезами на глазах слушала этот указ великая ленинградская женщина, помнящая 125 граммов скупого блокадного хлеба. Мы представили себе ясно ту минуту, когда Сталин подписал этот исторический указ, чувствуя на себе взгляды миллионов людей, призванных к нему за его отцовскую заботу.

Не прошло еще и трех лет с того дня, как наш артиллеристы накрывали брезентами и чехлами остывшие стволы орудий, а нехитрыми ставили свои автографы на обожженных стенах рейхстага и наша страна еще и еще раз продемонстрировала всему миру величие и преимущество социалистического строя, удивительную силу народа.

Я бродил вчера по шумной и многолюдной Москве, — такой она бывает только в дни больших праздников. Я слышал тысячи волнующих слов благодарности и приветия, обращенных к партии и великому вождю и творцу всех наших радостей и побед.

Возлебленным светом горят красные и синие неоновые огоньки, легкий снег занулся фонари и ветки деревьев, в одну ночь выросших в Охотном ряду, мирно отбивают кремлевские часы ход нашей истории, — и если так прекрасен наш сегодняшний день, каким же сказочным должно быть наше будущее!

М. МАТУСОВСКИЙ

НОВАЯ ПОБЕДА

Как гражданин и ученый Союза Советских Социалистических Республик, я приветствую денежную реформу, осуществленную нашей партией и правительством.

Я не сомневаюсь в том, что это преобразование и отмена карточной системы коренным образом улучшат условия жизни наших граждан и создадут то необходимое финансовое равновесие, которое было несколько нарушено в результате разрушительной войны, навязанной нам немецкими захватчиками.

Приветствую укрепление нашего советского рубля. Это фактор большой заботы нашего государства, которое приняло все меры для создания обилия продовольственных товаров и предметов широкого потребления, а также условий, способствующих поднятию жизненного уровня населения.

Акад. Н. ЗЕЛИНСКИЙ

Встречи с избирателями

В агитпуতে при клубе Московского государственного университета 12 декабря состоялась встреча кандидата в депутаты Красноярского районского райсовета писателя А. Карцева с избирателями. Доверенное лицо А. Чаконский рассказал собравшимся о творчестве и общественной деятельности А. Карцева — депутата райсовета первого созыва, одного из руководителей комиссии по работе с русскими писателями республик, краев и областей СССР и участника других комиссий и секций Союза писателей.

Заведующий отделом культурпросветработы Красноярского райисполкома П. Елисеев сообщил, как много сделал А. Карцев для района в культурном отношении: он помог пополнить библиотеки, работе Красноярского парка культуры и отдыха и т. д.

Затем А. Карцев говорил о своей депутатской работе и прочел отрывки из своих произведений.

Несколько дней назад состоялась встреча кандидата в депутаты Красноярского районского райсовета Ираклия Андроникова с избирателями и агитаторами — студентами МГУ. С биографией и творчеством И. Андроникова познакомил собравшихся доверенное лицо А. Тарасенков. И. Андроников тепло был встречен аудиторией, он прочитал один из своих устных рассказов, после чего между кандидатом в депутаты и избирателями завязалась живая беседа.

14 декабря в агитпункте избирательного участка № 22 состоялась встреча кандидата в депутаты Московского городского Совета Л. Леонова с избирателями.

Вчера вечером в агитпункте избирательного участка № 19 состоялась встреча кандидата в депутаты Московского городского Совета А. Фадеева с избирателями.

Дадим стране больше бумаги!

В ответ на призыв писателей

Со всех концов страны, отовсюду, где работают люди, выпускающие бумагу для книг, газет, журналов, учебников, тетрадей, приходит в редакцию «Литературной газеты» письма, телеграммы, отклики коллективов на призыв писателей — дать больше бумаги стране.

Инженеры ленинградского фабрики им. Горького обещают оказать литераторам максимальную помощь в их работе на предписании. На фабрике в Кляйеде оживленно обсуждалось напечатанное в «Литературной газете» обращение, и тут же были намечены конкретные мероприятия, способствующие выполнению программы. В письме коллектива Мариинского целлюлозно-бумажного комбината называется имена лучших стахановцев — товарищей Аношкина, Лаврентьевых, Деревяшкина, Ортина, Белкина, Захарова, Логинова и других, по которым разветвляя вся фабрика. Мариинские бумажники обязались превратить в 1948 году среднесуточную выработку против достигнутой в 1947 году по целлолозу на 20 проц., по бумаге на 25 проц., по картону на 40 проц.

Полотно-заводская бумажная фабрика, включившая в социалистическое соревнование, обещает пятилетний план выполнить в четыре года, а по производству изделий широкого потребления — в три с половиной года. Коллектив этой фабрики обращается к бумажникам Кондрова и Троицкой фабрики с просьбой аккуратно выполнять обязательства, связанные с кооперированием производств. Коллектив Украинского бумажного треста сообщает, что в помощь предприятиям командированы представители треста и профсоюза, в задачи которых входит оказание реальной помощи фабрикам Рабочие и инженеры комбината «Сокол» (Вологодская обл.) приняли обязательство стать в 1948 году на уровень 1940 года и резко улучшить качество продукции.

Редакция получила резолюции общих собраний и письма коллективов Свердловского завода резиновых технических изделий, фабрики технических бумаг в Москве, Государственного научно-технического издательства — «Госбумиздат», Центральной конторы Главумбумсана, Союзного треста смежных и вспомогательных предприятий Министерства целлюлозно-бумажной промышленности в многих других учреждениях, в которых принимаются конкретные обязательства, направленные к тому, чтобы помочь бумажникам дать больше необходимой стране продукции.

ЛЕНИНГРАД. (По телефону от корр. «Литературной газеты»). Президиум Ленинградского отделения Союза советских писателей создал, кроме бригад на крупнейших предприятиях бумажной промышленности Ленинграда, в основном изготовляющих бумагу для книг, журналов и газет, еще и ряд других бригад, направляющихся на Сясьский комбинат имени Сталина, Иоханнесский комбинат, фабрику «Коммунар».

Под председательством А. Прокофьева состоялось совещание участников бригад. В совещании приняли участие представители обкома ВКП(б) и правления Ленинградского отделения Союза советских художников, рассмотревшие об интереснейших формах работы, намеченных художниками. Во время войны большой популярностью, как известно, пользовались в Ленинграде агитационно-сатирические плакаты «Боевой карандаш». Сейчас художники решили в содружестве с поэтами А. Флотом, В. Владимировым, Б. Тимофеевым возобновить на бумажных фабриках выход «Боевого карандаша».

Намечено издание литографированных портретов-листочков переводчиков целлюлозно-бумажной промышленности. Ленинградский горком ВКП(б) совместно с бригадой ССП СССР и «Литературной газетой» созывает общегородское совещание реакторов, членов реактолетей и работников стеновых газет фабрик и институтов бумажной промышленности, посвященное задачам низовой печати и борьбе за бумагу.

ПРАВЛИНСК. (По телеграфу от спец. корр. «Литературной газеты»). В переполненном Большом зале Дома культуры Балакинского комбината состоялась встреча рабочих-бумажников с участниками бригады Союза советских писателей. Во выступлении слова А. Безмыслиных рассказали о целях и задачах бригады, прибывшей, чтобы помочь комбинату в борьбе за выполнение плана. Поэты М. Луконин, А. Кронгауз, С. Смирнов, А. Безмыслиных читали в заключение вечера свои стихи.

М. АМШИНСКИЙ

В ЭТИ ДНИ

Где бы мы ни были в день, когда было опубликовано постановление Совета Министров и Центрального Комитета партии, — на улицах, на вокзалах, в фойе театров, в автобусах, в метро — всюду слышались разговоры на одну и ту же тему: говорили о денежной реформе, об отмене карточек.

В вагоне метро в беседе приняли участие все пассажиры. Слушая суждения обыкновенных, рядовых советских людей, невольно думалось о том, как высоко поднялся уровень народа, как здраво и умно судят наши люди о самых сложных вопросах экономики и политики нашей страны и зарубежных стран.

Первое, о чем говорил народ, первое, что слышалось всюду, — это слова благодарности Сталину, правительству, партии большевиков за великую заботу о народе. Все предусмотрено, все сделано для того, чтобы менее ошущительна была жертва трудовых людей, все сделано, чтобы реформа не затронула владельцев трудовых сбережений. Всем ясно, что реформа увеличит реальную заработную плату, — об этом говорили всюду. Вместе с тем, вспоминали о том, что делается в капиталистических странах, говорили о положении народа в этих странах сегодня, сейчас, в послевоенные годы. Вот двое — шофер грузовика и женщина в платочке — толкуют о том, что богатые американские дядюшки пообещали французскому народу повышение платы до 250 граммов в день, за лишние 50 граммов хлеба в день американские капиталисты хотят быть хозяевами Франции.

С каким презрением говорили о спекулянтах, по которым ударила денежная реформа. Каждый пункт, каждый параграф постановления и инструкция Министерства

финансов был предметом внимательного обсуждения и одобрялся в этих летучих, импровизированных митингах народом.

В Москве, несмотря на декабрь, стоит мягкая зима. Улицы полны народа в эти дни и вечера. Что-то праздничное было в оживленном движении толпы на улицах, все мы живо ошущали эту особенную праздничную атмосферу. Да, это был праздник, праздник новой победы нашей Родины. Как же не радоваться? После неслыханной в истории человечества войны, после суровых испытаний и жертв, которые стоила война, прошло сравнительно немного времени, и вот народ совладал со всеми послевоенными трудностями, — отменяется карточная система, рубль, советский рубль становится крепким рублем, лучше становится жить, еще добрее и радостнее глядят наш народ в будущее.

У входа в агитпункты в избирательные участки ярко светятся транспаранты, шиты с датой «21 декабря». Эти праздничные огни напоминают о дне выборов в местные Советы. Накануне выборов Советская власть еще раз показала народу свою заботу о трудовых людях, мудрость своей политики. С глубокой верой и признательностью нашему правительству, партии большевиков пойдут к избирательным урнам советские люди.

Залостуют поджигатели войны, клеветают на советскую страну их наемники, но миллионы людей во всем мире в эти дни снова увидели могучую силу нашего народа и чувствуют, что будущее за нами.

Могуч и монументален советский народ, уверенной рукой ведет наш корабль к сверкающим вершинам коммунизма великий Сталин.

Источник всенародного благополучия

За несколько часов до того, как по радио зазвучал голос Левитана, я был на заводе «Серп и молот», в прокатном цехе.

Рабочие выталкивали длинными стальными шестами из нагретой печи раскаленный слиток металла, «чушка». На расстоянии пятидесяти метров я чувствовал огненное дыхание печи, а рабочие стояли у самого ее раскрытого зена, и только лица их были зашпены прозрачными козырьками, напоминавшими рыцарское забрало. Мне казалось, что эти бесстрашные люди, вооружившись длинными колыями, сражаются с каким-то свирепым зверем, стараясь выгнать его из огненной норы. И вот «чушка» — пятьдесят пудов раскаленной добела стали — выплывает из печи и, перевалявшись с боку на бок, покатился по ролямгам. Рабочие облегченно откинули козырьки, переводя дыхание, и, как бы приветствуя их победу, весело и пронзительно зазвенел бумер, по которому был молотком, как в колокол, паревек в замасленной руке.

Кран сжал своими шпальцами «чушку», приподнял и повес ее к ролямгам прокатного стана «750». Через этот стан проходит весь металл завода, превращаясь в стальные полосы и бруски, из которых потом тнут проволоку или катают тонкие стальные листы.

Если мартен голова нашего завода, то наш прокатный стан «750» его сердце, — крикнул, наклонившись к моему уху, старший мастер стана Иван Ильич Туртанов. — а кричал он потому, что шумно гулеи нагретые стальные листы, гремят, падая на металлические гребешки. Шипел пар, визжали шпальцы, рыжая стальная полоса на куски, звенел бумер, возвекая о новой победе «рыцарей «Серпа и молота»».

Иван Ильич уже более двадцати лет пролежал здесь, в этом огненном мире, где назначается жизнь машин, стоек, тысяч вещей из стали, без которых невозможна жизнь человека.

Здесь началась жизнь и самого Ивана Ильича. Он пришел сюда из деревни. Рубка жался, стараясь подальше держаться от огня и красного злого железа. С потением встал на старшего мастера стана «750» Гаека, который казался ему воплощением силы и мудрости. Подумать только: управлять такими машинами! Гаек вынимал из кармана какую-то засаленную тетрадку и, отойдя в сторону, забыв никто не мог взглянуть в нее, читал сделанные карандашом записи.

Иван Ильич смотрел на него со смешанным чувством. Он ошущал превосходство над собой этого опытного специалиста и ненавидел его за скрытность собственного, притягивая от всех тайну мастерства. Гаек так и умер, не открыв никому своего секрета. Вместе с ним умирал старый мир и рождался социалистический.

Иван Ильич не только давным-давно постиг всю жалкую мудрость, все «секреты» старого гужового мастера. Он сам пишет великую книгу социалистической мудрости, опыта новой жизни, и каждый может прочитать эту книгу, славящую человека-творца.

Здесь, возле своего стана «750», Иван Ильич мало чем отличается от своих товарищей — крутчечников, вальцовщиков, резальщиков, сварщиков. Да, он такой же простой человек, как и они. Он сам же чернорабочий, ворочал крутящиеся раскаленные слитки, — он знает их работу и может указать каждому, как сделать ее лучше, быстрее, дешевле, проще, легче.

Летом этого года Иван Ильич пришел в Англию и пришел на завод Гатфелда в

Шеффилде. Этот завод славится своей сталью. Иван Ильич стоял возле прокатного стана и наблюдал за работой. Англичане с удивлением поглядывали на советского человека с орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени на отвороте жилетки. Они решили, что это — советский инженер, приехавший в Англию поучиться, как делать сталь.

А Иван Ильич удивлялся тому, что гатфелдские крутчечники и вальцовщики работают очень медленно, словно выполняют «урок».

Потом они объяснили Ивану Ильичу, что горюпится им некуда: работы мало. И главное — нет интереса быстрой работе: тогда из двух кто-нибудь окажется без работы.

А стан «750», которым управляет старший мастер Иван Ильич Туртанов, уже давно закончил программу 1947 года. Прокатчики еще в 1946 году достигли довоенного уровня производительности. Коллектив в 200 человек во главе с Иваном Ильичем Туртановым взял на себя обязательство выполнить пятилетку в четыре года.

...Один за другим из печи выплавают огнедышащие слитки стали. Почти непрерывно звонит в бумер веселый паревек, и рабочие, ошущив свои прозрачные забрала на потные лица, бросаются с длинными колыями к огню, в котором рождается жизнь. Я вспомнил эту волнующую картину трудовой битвы возле стана «750», когда слушал по радио левитановский голос, возвевающий о новой победе нашей страны. И мне было радостно не столько потому, что я могу теперь на рубль купить во много раз больше, чем прежде, сколько потому, что я видел могучий источник всенародного благополучия — свободный труд свободных людей.

В. ИЛЬЕНКОВ

ВЕРЛОМСТВО

Теперь не в чем сомневаться: финал Лондонской сессии, о котором мы узнали вчера, был предусмотрен заранее, роли распределены и отпечатаваны... Об этом место и право сказал В. М. Молотов в глаза Маршаллу, Бевлину и Бидо. Впрочем, Маршалл и Бевлин и не утруждали свои дарования, чтобы как-нибудь скрасить или прикрыть срам вероломства... Никакие и адекватные торгашество пришло на смену торгашеству договорам военных лет. Барыши и профит оксерируют бесчисленные могилы войнов Обединенных наций. Мировые лавочки теперь посягают на священные права народов. Понятие справедливости заменено живой демогогией.

Все мы, советские люди, прекрасно разбираемся, каков подлинный смысл того, что произошло в Лондоне. И я мог бы привести здесь множество знаменательных слов, которые легко услышать в эти дни среди наших людей, и эти слова превосходны — они очень точно передают мысли.

Русские люди гадали. Насчет их сметливости никому не рекомендуется ошибаться. Не рекомендуется ошибаться также насчет настроений русских людей, которые высоко ставят понятия товарищества и умеют держать свое слово не на жизни, а на смерть.

Нельзя забывать о том, что герои Сталинграда сейчас являются свидетелями постыдной комедии, разыгранной тройкой буржуазных министров в британской сто-

лице. Нельзя отвлекаться от миллионов людей, которым чужды и отравительны капиталистические интересы.

И повторяю: люди очень хорошо разбираются в нынешних послевоенных делах и умеют находить существо замаслов. И неудивительно, что с некоторыми пор некоторые имена современных зарубежных политиков сделались в нашем народе презренными.

Иногда поневоле поражаешься, как умеет народ запоминать и вести свой счет делам, которые, казалось бы, весьма далеки от его повседневной жизни. Вдруг где-нибудь в дачном поезде, в вечернем вагоне, ты прислушаешься к разговорам и запишешь потом на память такие слова:

— А что хорошего мы от них видели?.. Вначале думаешь, что полмосковские пассажиры говорят о своих семейных или колхозных неудачах. Но нет. Неожиданно мне человек вспоминает о делах в Лондоне и горько добавляет:

— Совошники!..

И если в диалоге сохранить яркую полорит разговорной речи, то выйдет довольно сильный публицистический комментарий к известному замечанию Маршалла, сделанному им на Лондонской сессии 10 декабря. Смысла этого комментария можно определить одним словом:

— Вероломство.

Вот что остается, и что запоминается.

Николай ПОГОДИН.

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

Этот рисунок известного американского художника Скотта Тэбара, помещен в журнале «Нью-Мессеж». В голландском воздушном шаре с надписью «Цены» один из аэронавтов спрашивает другого, рассматривающего землю в подзорную трубу:

— Вы все еще в состоянии видеть Гарри Трузмана?

И. ЗЛОБИН

Валютный хаос в капиталистическом мире

Постановление Совета Министров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» имеет не только крупное внутригосударственное, но и громадное международное значение.

Денежная реформа и отмена карточной системы снабжения, эти важнейшие экономические и политические мероприятия, рассчитанные на ликвидацию последствий второй мировой войны — «самой жестокой и тяжелой из всех войн, когда-либо пережитых в истории нашей Родины», на дальнейший подъем народного хозяйства, на улучшение материального благосостояния советского народа.

Проведение денежной реформы — обычное дело государств после больших войн.

После первой мировой войны в большинстве влиятельных капиталистических стран денежное обращение пришло в полное расстройство. Неограниченный выпуск денег для покрытия военных и послевоенных расходов вызвал колоссальный рост цен, инфляцию и финансовый кризис. В Германии, например, курс бумажной марки упал по отношению к золотой стоимости.

Окончание военных действий отнюдь не прекратило в капиталистических странах инфляционного процесса. Наоборот, во многих случаях наиболее обострение наступило после войны, и вызванные этим бедствия растянулись на ряд лет. В этих странах переход от войны к миру сопровождался сокращением объема производства, что усугубило трудности восстановления финансовой системы. Странам — участникам первой мировой войны потребовалось от четырех до десяти лет для того, чтобы добиться относительной, непродолжительной денежной стабильности. Ни одна из этих стран не смогла восстановить своей прежней денежной системы золотого обеспечения.

Главная победительница в первой мировой войне — Англия смогла стабилизировать свою денежную систему на основе так называемого золотого стандарта только через шесть с лишним лет после окончания войны, и то лишь ценой огромной безработицы и других лишений английских рабочих. Но уже через шесть следующих лет (в конце 1931 года) эти условия, как и большинство других капиталистических стран, были сорваны наступившим мировым экономическим кризисом.

Франция и Италия занялись восстановлением своих валют после первой мировой войны до 1928 года, причем первой при-

лось снизить ценность своей денежной единицы в пять раз против довоенного уровня, а второй — почти в четыре раза.

Влияние второй мировой войны на денежное обращение капиталистических государств оказалось еще более значительным, несмотря на то, что основную тяжесть этой войны, как известно, вынес на своих плечах Советский Союз. Валюты некоторых стран уже успели дойти до полного краха и были заменены новыми денежными единицами.

Несмотря на то, что с момента окончания второй мировой войны прошло уже более двух лет, во всех капиталистических странах, в том числе даже в разбогатевших на войне Соединенных Штатах, инфляция продолжает до сих пор. Отмена в середине 1946 года контроля над ценами в США оказалась не более чем жестом. За год, прошедший после этого, цены на продовольственные товары в США выросли на 40 проц., и теперь, как известно, Трумэн ставит вопрос о частичном восстановлении контроля над ценами.

Во Франции цены возросли более чем в 10 раз против довоенного уровня. При этом в последнее время темпы инфляции усилились, а шумные эксперименты Леона Блюа и его малорезультативные попытки приостановить рост цен окончилась полным провалом на глазах у всего мира. Еще хуже обстоит дело в Италии, где деньги по сравнению с довоенным периодом сейчас обесценены в сотни раз. Мы не говорим уже о такой стране, как гоминдановский Китай, в котором деньги обесценены в 30—40 тысяч раз.

Денежные реформы, проведенные во Франции, Бельгии, Голландии, Дании и Норвегии, были лишь временными мероприятиями. Снижение денежной массы, находившейся в обращении, достигалось только на непродолжительное время. Это предопределяло тем, что во всех этих странах денежные реформы были проведены в условиях небалансированных государственных бюджетов и кабальных кредитов или так называемой финансовой «помощи» извне, непопобедимого пресловутого плана Маршалла — Трузмана.

Вот примеры. Во Франции в момент реформы денежное обращение равнялось 518 млрд. франков, в августе 1947 года оно составляло значительно меньшую сумму — 832 млрд. франков. Индекс отточенных денег в стране поднялся с 648 (1946 год) до 963 (август 1947 года). В Бельгии колоссальное количество денег, находившихся в обращении, составляло с 70 млрд. франков в 1945 году до 77,8 млрд. франков в августе 1947

года. Несмотря на осуществление денежной реформы, продолжал расти курс в Голландии, Дании, Норвегии. Резко поднялись цены в США. Если принять цены 1937 года за 100, то в 1945 году они выросли до 123, а в июле 1947 года составили 178. Такое же явление имеет место и в Англии: здесь индекс 1945 года был равен 156, а в июле 1947 года — 178.

Когда инфляционному процессу не видны. Больше двух лет уже существуют созданные в Бреттон Вуде Международный валютный фонд и Международный банк, членами которых являются сейчас пять стран. Но они действуют под взглядом безразличных делцов с Уолл-стрит, американских банкиров-ростовщиков, пренебрегающих эти учреждения международного валютного сотрудничества в орудие осуществления своих преступных целей установления мирового господства. Неудивительно, что эти учреждения, вместо стабилизации валют в европейских и азиатских странах, еще больше подрывают эти валюты.

Проведение денежной реформы в капиталистических странах коренным образом отличается от денежной реформы в Советском Союзе, а также от отдельных реформ в странах южной демократии — Румынии, Болгарии, Югославии, Чехословакии и Польше. В капиталистических странах вся тяжесть последствий войны и реформ неизменно перекладывается на плечи трудящихся. Денежные реформы сопровождаются большим повышением цен на потребительские товары и, следовательно, снижением реальной заработной платы рабочих и служащих, увеличением армии безработных и т. д. — коротко говоря, усилением нужды финансовых монополий на жизненный уровень трудящихся.

Послевоенное восстановление денежного обращения капиталистических стран пытаются осуществить с помощью непрерывных займов у США. Америка же использует займы для экономического закабаления этих стран и вмешательства в их внутренние дела. Так называемый «план Маршалла» должен, по мысли американских империалистов, завершить подчинение европейских государств капиталистическим монополиям США.

Денежные реформы в капиталистических странах были попытками шлопать насквозь прогнивший, обесцененный на гибель капитализма. Денежная реформа в СССР послужит средством дальнейшего укрепления социалистического строительства, средством разрешения поставленного товарищем Сталиным задания постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Валентин КАТАЕВ

ПАРИЖСКАЯ СЮИТА

Незадолго до войны я побывал в Париже. Париж много писали. Париж восхвалялись. Обаяние Парижа было так велико, что Маяковский, человек, в душе которого не было ни одного следа волоса, не мог удержаться, чтобы не написать:

Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли — Москва.

Подступай к глазам, разлука жижя, Сердце мне сентиментальностью расквась.

Так что здесь, разумеется, надо сделать поправку на некоторую сентиментальность великого поэта.

Что ж. Я тоже человек сентиментальный. Мне тоже очень понравился Париж. Я видел его сквозь множество прочитанных Парижей. Сквозь Париж Балзакса, Гюго, Мопассана, Стендаля, Флобера, Франса, Барбюса. И многих, многих других.

Я видел его сквозь волшебный туман истории — Париж Коковента, Париж якобинцев, Париж Коммуны.

Я видел художника Эвариста Гамелена, члена секции Нового искусства, и когда я шел через Новый мост, меня окружали образы Франковского романа «Боги жаждут»...

Словом, я был очарован Парижем.

И тем не менее какая-то очень терпкая горечь все время примешивалась к этому очарованию. Что-то тревожило мою душу. Баяла-то тягостная мысль давила мозг.

И вдруг я понял... Я понял, что тот Париж, который окружает меня, все-таки не есть Париж моей мечты, моего воображения.

Я понял, что Париж перестал или во всяком случае перестает быть самим собой.

Я понял: Париж перестал быть столицей Франции, а сделался увеселительным мировым притоком, куда из Америки и из Англии (она еще тогда была «великая держава») устремились стада богатых, не знающих, куда девать лишние деньги, награбленные в колониях и у себя дома, у своих рабочих. Они выпивали все лучшие вина Франции, они ели лучшее мясо, и рыбу, и устрицы, они обжирались ее маслом, ее сваржей, ее артишоками, они покупали ее женщины. Это для них открывала жаждая французская буржуазия большие и маленькие публичные дома, рестораны, сногсшибательные мюзик-холлы. Французский буржуа становился лакеем буржуа американского, его метр-отелем и шевкиком.

На Рю де ля Пр сверкали витрины бриллиантовых. В лаковом асфальте отражались фары стотысячных автомобилей, в окнах цветочных магазинов под искусственным дождем дрожали папоротники и сказочной красоты розы. Возле Гранд Опера сверкали пилларсы, развешивали черные плащи на атласно-белой подкладке, как лиловые самоцветы, жарко тлели драгоценнейшие шары. На рассвете целые поезда продуктов гремяли по городу, направляясь

к центральному рынку — этому чреву Парижа. И все это было только для богатых — своих и, главным образом, чужих американских богатей.

А между тем ни в одном городе мира не было такой нищеты, как в Париже. Я видел безработных, поносивших под мостами. Я видел голодных людей, роющихся в мусорных кучах. Я видел безногую проститутку, восседающую на скамейке, которая стояла в тени каптана на своих костылях, в своем зеленом шелковом платье с колючим мехом и улыбалась прохаживавшим жалкой и вместе с тем жутко вызывающей улыбкой. Я видел вонючие залворки Парижа, странненькие трубочки и зеленые глянцевые фонари по громадному белому фасаду больницы Лазаря, где в окнах мелькали безмолвные фигуры сифилитиков и сумасшедших, освещенные гребовым светом. Я видел, как отгнилос уличный люк и оттуда, как жглица пренебрежной, стали вылезать, испуганно озираясь, зеленые тучи, видимо, noveച്ചившие в канализационной сети.

И моя спутница — Дениз, внучка коммунара, — женщина с прекрасным, сухим лицом и глазами, черными от горя и ненависти, взяла меня за руку и сказала:

— Посушайте. Не верьте Парижу Елисейских полей и Гранд Опера. Не верьте Парижу Бульваров Бульваров, Конкорд и Эзевды. Не верьте черно-красным розам Парижа, не верьте его роскоши и красоте. Я его знаю лучше вас. Мой дедушка был растерян у Стены коммунаров.

Буржуа и капиталисты продают Францию. Они превратили Париж в публичный дом. Но я верю... Я верю, что справедливость все-таки когда-нибудь восторжествует. Она не может не восторжествовать. Правда не может умереть. Она бессмертна. Настанет день!.. О, я верю, что он наступит...

Она больше не могла говорить. Слезы ярости и надежды блещали на прекрасных глазах внучки коммунара, убитого вральцами у стены Пер Ламез. Она пожала мне руку и поцеловала меня.

— Помните это. Настанет день... С тех пор Франция пережила много горьких, даже трагических минут.

Я читаю газеты, и ярость закипает в моей душе. Что эти мерзавцы делают с прекрасной Францией и с прекрасным городом Парижем!

Они превращают Францию в какой-то жалкий прилавок, в какую-то слепую кишку американского империализма.

Как Дюкло приводит потрясающие факты закабаления Франции Америкой. Франция принуждена уже покупать в Америке уголь, хлеб, жиры.

Где это видано?

С каких пор Франция не может существовать на своем собственном угле, на своем собственном хлебе, на своих собственных первоклассных продуктах питания?

Какой-то бред!

«Расширение посевов пшеницы явно саботируется, и в этом заключается проамериканская политика. Андре Физин в 1944 году заболел в Аляске от уменьшения посевов, а министр сельского хозяйства Танги-Ричжан в сентябре 1946 года полагал в Коннектикуте указывая американских представителей на то, что во Франции имеются более благоприятные условия для выращивания пшеницы, чем для производства хлеба».

Ничина потрясающий.

Пусть, доскай, лучше Франция выращивает для наших богатей пармские фишки

и розы. А насчет хлеба позаботимся мы. И позаботимся!

«Препенсики Вашингтона неплохо поработали, — пишет Джорж Конью в «Юманите», — над прекращением торговых переговоров с Советским Союзом. — Реда. Из-за их политики наша страна потеряла советский хлеб. Таков результат целого ряда провокаций».

Итак, Франция потеряла свой хлеб, потеряла советский хлеб. Теперь ей остается искать фишки и покупать хлеб у американских «благотворителей» по тем ценам, которые ей назначают грабители с Уолл-стрит.

Разумеется, нынешним правителям Франции на это надеяться. Они-то уж во всяком случае голодать не будут. Они продались. Они давно уже поступили в лапки к американским империалистам. И обеды с барского стола им обеспечены. А что касается истинных хозяев Франции — рабочих и крестьян, — то пшеника голодает. Они к этому привыкли. Пусть безработные почуют под мостами, пусть рабочие потуже подтянут брюки, пусть мерзнут в подвалах старики и рахитичные дети...

Пусть!

После нас — хоть потоп. Эта королевская поговорка имеет широкое хождение среди нынешних хозяев Франции.

Картина хорошо нам, русским, знакомая по истории проклятой памяти царизма: один с сонкой, а семеро с ложкой...

А если французский рабочий протестует, то в дело идут пули, бомбы, слезоточивые газы.

Особенно гнусный, двусмысленный характер имеют эти «слезоточивые газы». Современные французские господа Тьеры и Галифе применяют слезоточивые газы. Они хотят заставить французских рабочих плакать. Можно подумать, что рабочий класс Франции только и делает, что смеется. Нет! Кровавые слезы нужды, нищеты, голода, неизбежного национального горя, которое заключается в том, что на Францию седа верхом банда торгашей и хочет повернуть историю вспять и во что бы то ни стало сохранить социальное неравенство.

А тем временем какой-нибудь Шуман — мелкая душошка, продалший человечек без совести и без родины — кричит по радио: «В ожидании помощи наших американских друзей и лучшего распределения продуктов можно надеяться на постепенное повышение жизненного уровня...»

О, мы хорошо понимаем, что это такое «повышение жизненного уровня» по Шуману. Это значит для богатых — своих и американцев — фишки, шампанское, обеды у Брюсье, завтрак в Трианоне, либеры, кофе и сигары в роскошных кафе Елисейских полей, а рабочим — лошадиное мясо по пятничам и порция свинца и слезоточивых газов ежедневно в неограниченном количестве.

Старая песня.

Чудесный, талантливый французский народ попал в лапы международных негодяев. Его может спасти только компартия. Это полдюжина народных, полдюжина демократических, полдюжина рабочих настоящих французских патриотов, благородных потомков коммунаров.

И еще находятся полдюжины, которые смеют заявить, что французские коммунисты не являются французами!

Кто же тогда французы?

И. БАРУ

ШАГ В БУДУЩЕЕ

«Со своей стороны я хотел бы заверить вас, товарищи, что вы можете смело поздравить автора статьи. У Дамна туберкулез, у его жены Алмы — пеллагра, но лечить они не могут, потому что на лечение нет денег. У двадцатипятилетнего сына Дамна — Билла, недавно вернувшегося из армии, тоже туберкулез. На десять человек семьи, состоящей наполовину из детей, имеется только четыре кровати и всего одна зубная щетка, которую Билл привез из армии. Платят семье очень плохо — в магазине угольной компании «Югум Буз» почти никогда не бывает свежих овощей, рыбы, бакалаври. По самое страшное для семьи Дамна Перкина заключается не в том, что сегодня жизнь так тяжела, а в том, что она бесперспективна, что нет у него никакой надежды на будущее, нет перспектив, нет веры в то, что в скором времени условия жизни изменятся к лучшему».

Вот еще короткое сообщение, которое стоит процитировать. На этот раз оно опубликовано в английской печати. Архенинский доктор Гарбет, касаясь продовольственного положения в Англии, сказал: «Хуже еще впереди. В будущем году нам, возможно, будет грозить настоящий голод». Трудящиеся Лондона тянутся в трущобах Нет-Энда, голод стучится в двери лачуг бедняков, а в это время лондонский суд приговаривает сельскохозяйственного рабочего к трем месяцам тюрьмы за то, что он в какой-то поезде держал двух... лгавых собак в душном маленьком помещении, где эти лгавые, видите ли, не могли вытиснуться по всю длину; а в это время у богатых слобов входит в моду брать под свое покровительство зверей из лондонского зоопарка, — по сообщению печати, на клетках животных все чаще появляются таблички с именами благодетелей, желающих вносить ежемесячно по пять шиллингов на питание полонечных зверей».

С глумливым сочувствием к простым людям Америки, Англии, Франции и Италии и с гордостью за свою страну, за наш общественный строй узнает об этом советский народ.

Сила и непобедимость нашего общества в том, что любой из членов этого общества — товарищ другому, что каждый из членов этого общества, стоя у станка, у мезенальной печи, у нефтяной вышки, у молотилки, сила за чертежным столом, за рулем комбайна, думает об общем благо, потому что знает, что в общем благо и его личное благо. И потому именно, уже через два с небольшим года после окончания еда ли не самой опустошительной во всех войн, какие знали за всю историю многовековую историю человечества, всего через два года оказалось в нашей стране возможным, — нет, не возможным даже, а необходимым, — отменить карточную систему.

Это очень точные, сухие слова «отмена карточной системы». По за окончательной формулировкой постановления «...Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) решил провести отмену карточной системы на продовольственные и промышленные товары...», за этой формулировкой — победивший титанический труд советского народа и наши военные победы, империализм битвы за коллективизацию и индустриализацию страны, за ней сталинские слова, которых никогда не забудут советские люди: «Со своей стороны я хотел бы заверить вас, товарищи, что вы можете смело поздравить на товарища Сталина...»

Многие иностранцы, явно туристического толка, но предостерегающие именовать себя учеными, любил во все поры писать о способности русского народа к долготерпению, о его незыблемости. Гауцци, певички или клеветники — как их назвать, таких людей? В ком пытались найти они

Америке. Главе семьи Джиму Перкину 54 года, но выглядит он на 70, рассказывает автор статьи. У Дамна туберкулез, у его жены Алмы — пеллагра, но лечить они не могут, потому что на лечение нет денег. У двадцатипятилетнего сына Дамна — Билла, недавно вернувшегося из армии, тоже туберкулез. На десять человек семьи, состоящей наполовину из детей, имеется только четыре кровати и всего одна зубная щетка, которую Билл привез из армии. Платят семье очень плохо — в магазине угольной компании «Югум Буз» почти никогда не бывает свежих овощей, рыбы, бакалаври. По самое страшное для семьи Дамна Перкина заключается не в том, что сегодня жизнь так тяжела, а в том, что она бесперспективна, что нет у него никакой надежды на будущее, нет перспектив, нет веры в то, что в скором времени условия жизни изменятся к лучшему».

Вот еще короткое сообщение, которое стоит процитировать. На этот раз оно опубликовано в английской печати. Архенинский доктор Гарбет, касаясь продовольственного положения в Англии, сказал: «Хуже еще впереди. В будущем году нам, возможно, будет грозить настоящий голод». Трудящиеся Лондона тянутся в трущобах Нет-Энда, голод стучится в двери лачуг бедняков, а в это время лондонский суд приговаривает сельскохозяйственного рабочего к трем месяцам тюрьмы за то, что он в какой-то поезде держал двух... лгавых собак в душном маленьком помещении, где эти лгавые, видите ли, не могли вытиснуться по всю длину; а в это время у богатых слобов входит в моду брать под свое покровительство зверей из лондонского зоопарка, — по сообщению печати, на клетках животных все чаще появляются таблички с именами благодетелей, желающих вносить ежемесячно по пять шиллингов на питание полонечных зверей».

С глумливым сочувствием к простым людям Америки, Англии, Франции и Италии и с гордостью за свою страну, за наш общественный строй узнает об этом советский народ.

Сила и непобедимость нашего общества в том, что любой из членов этого общества — товарищ другому, что каждый из членов этого общества, стоя у станка, у мезенальной печи, у нефтяной вышки, у молотилки, сила за чертежным столом, за рулем комбайна, думает об общем благо, потому что знает, что в общем благо и его личное благо. И потому именно, уже через два с небольшим года после окончания еда ли не самой опустошительной во всех войн, какие знали за всю историю многовековую историю человечества, всего через два года оказалось в нашей стране возможным, — нет, не возможным даже, а необходимым, — отменить карточную систему.

Это очень точные, сухие слова «отмена карточной системы». По за окончательной формулировкой постановления «...Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) решил провести отмену карточной системы на продовольственные и промышленные товары...», за этой формулировкой — победивший титанический труд советского народа и наши военные победы, империализм битвы за коллективизацию и индустриализацию страны, за ней сталинские слова, которых никогда не забудут советские люди: «Со своей стороны я хотел бы заверить вас, товарищи, что вы можете смело поздравить на товарища Сталина...»

Многие иностранцы, явно туристического толка, но предостерегающие именовать себя учеными, любил во все поры писать о способности русского народа к долготерпению, о его незыблемости. Гауцци, певички или клеветники — как их назвать, таких людей? В ком пытались найти они

«черты русского национального характера» — в крестьянах-бутовщицах из повстанческих отрядов Болотникова, в солдатах Чернышевского полка, в москвичах, выпущенных декабрьским утром 1825 года на Сенатскую площадь, или в матросах с броненосца «Потемкин», в бойцах революционных рабочих дружин с Красной Пресни, в партизанах Приамурья?

Американский лейтенант Джефферсон Странг, которому я рассказывал как-то в Токио о Ленинградской аэлоде, долго не хотел верить, что то, о чем я рассказывал ему, было на самом деле. «Это невозможно, — говорил он, — прачка промышленную удыбку, — это совершенно невозможно. Как же это так — без хлеба, без света, без топлива, под ежедневными бомбардировками и артиллерийскими обстрелами — и так держаться? Нет, как бы ни был терпелив и привычен к ударам судьбы русский народ, но сознайтесь, что вы сильно преувеличиваете». Я прекарсно понимаю, почему лейтенант Странг не верил моему рассказу. Он не верил мне потому, что сам-то он, как и тысячи других Странгов, шенгиде не смог бы, оказавшись на месте ленинградцев, перенести то, что перенесли они, — и выстоять! Он не мог бы совершить это не от недостатка храбрости, а от недостатка веры, оттого, что не было перед ним такой цели, какая стояла перед защитниками Ленинграда, и оттого еще, что он не был убежден в том, что будущее стоит того, чтобы ради него преобречь лишними сегодняшнего дня.

Они иностранный обозреватели, комментаторы постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) о проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары и не найла никаких аргументов, которые помогли бы ему доказать своим соотечественникам, что постановление это не служит на благо народа, решил козырнуть тем, что в Советском Союзе существует еще, оказывается, спекулянты. И с каким восторгом извещал он об этом своих читателей!

Да, спекулянты у нас еще, к сожалению, существуют, или, как теперь уже можно говорить, существовали, и неправильно называют их нас «родимыми пятнами прошлого». Неправильно потому, что спекулянты и стяжатели всех мастей — это не только родимые пятна прошлого, но и родимые пятна настоящего, во нашего настоящего, во того, в котором живут сейчас миллионы людей за рубежом нашей страны, того, в котором царствуют законы черного рынка, того, которое калечит и урокует души людей. Идеями спекуляции и наживы пытались отравить умы людей немецкие оккупанты, эти цвцы с такой же старательностью проповедают ныне по радио Нью-Йорк и Лондон. Но против этих идей возведены у нас надежные кордоны — не те, какие стерегут люди в зеленых фуражках, но те, какие созданы в душе советского человека нашей системой воспитания, нашим укладом жизни. Были у нас единицы спекулянтов, но скоро исчезнут с нашей земли и эти единицы, как исчезли в душах миллионов советских людей так тщательно пропагандируемые буржуазной литературой, журналистикой и утверждаемые самим буржуазным бытием, — воры-столбовые, алчность, страсть к торгашеству и наживе.

Вот почему великое значение последнего постановления Совета Министров и ЦК ВКП(б) состоит не только в том, что оно выводит советских людей на дорогу изобилия, но только в том, что жить советские люди станут отныне богаче, веселее, привольнее, но и в том, что оно, это постановление, открывает перед нами коммунистическое близо, в котором будут жить и трудиться счастливые и свободные советские люди.

ПО СТРАНИЦАМ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

Бред доктора К. А. Миллса

Бредить, конечно, могут не только простые смертные, но и доктора наук. Однако бред всегда остается бредом. «Климат — ключ подема России» — так называется статья доктора К. А. Миллса, напечатанная в американском журнале «Science digest» (№ 5, 1947 г.). Оказывается, все блестящие успехи СССР объясняются... потеплением. «Длительные холодные зимы», — пишет Миллс, — были торжеством прогресса в России прошлого; теплеее потепление климата, наоборот, позволяет свободному течению ее энергии...»

«Прежняя инициатива и готовность американцев воспользоваться любым шансом смениться стремлением к безопасности, к покою...» Все хорошие качества американцев «доброе старое времена», по мнению Миллса, таким образом, переключались в

Россию, ибо там климат стал благоприятным «для сильных жизненных реакций». Это настолько расстроило и поразило доктора, что он даже решил вместе со своей женой срочно изучить русский язык, чтобы «лучше понять всю связь изменения климата с ростом страны Советов».

Бреду доктора Миллса придана наукообразная форма — в статье всюду ссылки на Грешину, Рим, автор легко оперирует тысячелетиями и десятками тысячелетий, но от всего этого ценность «труда» не изменяется. Этот бред — злобный вариант «генерала мороза», которым спекулировали немецкие фашисты, пытаясь свои поражения объяснить суровостью климата СССР.

Трагическое примечание

Из-за болезней сердца в США ежегодно теряется 152.100.000 рабочих дней, что приравнивается к 1.216.800.000 долларов убытка ежегодно, — пишет «Business week». Трагическим примечанием к этому положению, — продолжает журнал, — является то, что страдания сердечными болезнями очень трудно найти работу: их избегают нанимать, чтобы не нести расходов во время их болезни и в случае смерти».

Не стоило праздновать

В ознаменование двухсотлетия Принстонского университета там недавно происходила торжественная конференция специалистов по генетике, палеонтологии, эволюции...

Вероятно, мысль о двух столетиях внушила некоторым ученым желание представить будущее человека. Лауреат Нобелевской премии д-р Н. Дж. Мюллер заявил, что патроны, радио, электрический свет, автомобили и самолеты «изнают» человека, который выродится и прератится бог знает во что.

Проф. А. С. Ромер дополнил бодрую речь Мюллера, сообщив, что, по его мнению, наследники земля будут крысы и мышь, так как они могут жить в любой обстановке.

Но стоило ли собираться на празднование двухсотлетия Принстонского университета чтобы высказать такие паразитные откровения, а затем печатать все это в «Science digest» (1947 г. № 4)?!

За самокритику в советском языковедении

Г. СЕРДЮЧЕНКО,
доктор филологических наук

Советские языковеды еще не сделали для себя необходимых выводов из прошлогодних решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, ни из итогов проходившей в текущем году философской дискуссии. В среде лингвистов до сих пор не подчеркнуты решительной и принципиальной критикой многие бездельные и апологетические работы, оторванные от актуальной современной тематики и построенные на препоны перед иностранной и умалении выдающихся достижений русской науки.

Забвение основного большевистского принципа партийности в науке, отсутствие боевого советского патристического духа среди известной части языковедов, нежелание «обидеть» того или другого ученого, испортить с ним дружеские отношения — приводят подчас к пропущиванию чужих влияний в науку и учебную литературу.

Никто из советских языковедов не подверг критике воспринятое от буржуазных ученых традиционное изложение истории науки о языке. До последнего времени доказывалось, что «современное языковедение» своим зарождением и развитием обязано почти исключительно немецким ученым. Согласно этой точке зрения наука о языке возникла в начале XIX века на почве сравнительного изучения языков античного мира с «некоторыми индоевропейскими языками».

Говоря об истории языковедения, ученые обычно основываются лишь на сравнительном изучении индоевропейской группы языков. Против этого, как известно, решительно возражал академик И. Я. Марр. Он утверждал, что общее учение о языке и история науки о нем могут строиться только на основе изучения всех разнородных языков мира.

Именно русской науке принадлежит несомненное первенство в исследовании и детальной научной разработке весьма многих, разнообразных по своей структуре языков мира — славянских, угрофинских, монгольских, казахских, афганских, тибетских, иранных и ряда других.

Уже Ломоносов в середине XVIII в. во вступительной части к своей знаменитой «Российской грамматике» и в других исследованиях решительно и вымечает пути сравнительного изучения разнородных языков.

В конце XVIII в., опередив другие европейские академии, Российская академия наук вынуждает грандиозный по тому времени труд — «Сравнительный словарь всех языков и наречий», включающий в себя материал по 262 языкам Европы, Азии и Африки.

На протяжении XIX и XX столетий русские ученые вносят значительный вклад в теоретическую разработку вопросов языковедения и в конкретное изучение многих языков мира, и дело не ограничивается лишь исследованием языков России и близлежащих стран. Они обогатили мировую науку таким, например, исключительными достижениями, как создание двух непревзойденных и по силе поро саскритских словарей — подлого (1852—1875) и краткого (1870—1889), известных в мировой литературе под названием «петербургских словарей». Именно русским ученым принадлежит лучший анализ китайской иероглифической системы (акад. В. Н. Васильев) и выдающиеся словарные работы по изучению китайского языка (Ш. Кафаров и В. Н. Васильев).

Русским ученым принадлежит безусловный приоритет в решении многих основных вопросов современного языковедения, в теоретической разработке многих важнейших проблем фонетики, лексики, грамматики, истории языка, в исследовании и детальной описании громадного количества разнообразных языков мира. Не кто иной, как русские ученые (акад. Марр, акад. Мещанинов и другие), впервые заявили, что общее языковедение может строиться только на базе разносторонних и разносторонних языков мира, и первыми дали конкретные образцы построения этой науки.

На основе марксистско-ленинского методологии и конкретных высказываний классиков марксизма-ленинизма о языке наши ученые создают стройную систему советского языковедения.

Эти очевидные факты замалчиваются в зарубежной науке и почему-то забываются некоторыми нашими учеными. Советская молодежь в наших вузах продолжает возмущаться на совершенно ложных рассказах о том, что языковедение возникло лишь в результате работ одного только иностранного ученого.

Эта порочная точка зрения последовательно проводится и в принятых сейчас у нас в университетах и педагогических институтах учебнике по введению в языковедение покойной проф. Р. О. Шор и проф. Н. С. Чмодадова (1945). В этом учебнике совершенно нехитрыми повторениями старой версии о том, что «основоположником современного языковедения является немецкий ученый Франц Бопп, что «другим основоположником» был Яков Гримм, что «наряду с Ф. Боппом и Я. Гриммом мы должны упомянуть одного из крупнейших представителей сравнительно-исторического языковедения Вильгельма Гумбольдта», а за ним «крупнейшего языковеда середины XIX в. Августа Шлейхера», «крупнейшего имя Геймана Штейнталя», «наиболее крупных представителей» младограмматической школы — Бругмана, Дельбрюка, Пауля и др.

Целый список «крупнейших» имен небылых ученых, которым с легкостью и бездумно авторами советского учебника приписываются создание и развитие всей науки о языке!

Недостаточно извращая подлинную историю языковедения, учебник систематически умалит заслуги в языковедении даже и небольшого круга русских ученых, названных в книге.

Так, на стр. 219 единственный раз на протяжении всего учебника упоминается имя Ломоносова, Суворова и Третьяковского, авторы пишут: «То, что в России в отношении русского языка в XVIII веке сделал Ломоносов, Суворов, Третьяковский, то во Франции на два столетия раньше сделал деятель Французской академии». На каком основании умалются заслуги русских ученых? Почему авторы говорят о двух столетиях, в то время как между эпохой Ломоносова и 1894 годом, когда был составлен французский академический лексикон, расстояние измеряется всего несколькими десятилетиями?

Очень легко остановившись на деятельности таких крупнейших русских языковедов, как Потехин, Фортунатов, Богуев и Шахматов, отнес при этом Фортунатова и Шахматова целиком к младограмматикам, авторы учебника вдруг заключают: «Философские положения, с которыми выступают младограмматики (следовательно и Фортунатов и Шахматов)» по существу, представляют упрощенное изложение мыслей Штейнталя».

Прикрываясь псевдоцитатами из трудов основоположников марксизма-ленинизма, авторы учебника излагают взгляды, не имеющие порою ничего общего с марксистско-ленинизмом. Из «важнейшего средства человеческого общения» язык превращается здесь в «посредника между людьми». В качестве вводного комментария к определению языка, сделанному Лениным, нежелательно дается следующее «глубокомысленное» рассуждение, по существу, затеняющее ленинскую формулировку: «...она из основных черт языка: язык создает возможность распределения любого практического акта между несколькими индивидами и является посредствующим звеном во всей практической деятельности человеческого общества».

На страницах учебника неоднократно проповедуются знаковая теория языка, своими корнями восходящая к раскритикованной Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме» теории неогерманов.

В учебнике нет большевистской критики чуждого марксизму-ленинизму направления, и наоборот, сплошь и рядом авторы книги оказываются в плену у буржуазных ученых.

Полным рабством перед буржуазной наукой и, в частности, перед зарубежной социологической школой Ф. де Соссюра отмечен вышедший лишь в этом году и предназначенный для учителей школ учебник А. Реформатского «Введение в языковедение». Автор учебника настойчиво и порою вызывающе подчеркивает свои солидарность с положениями В. Гумбольдта, Ф. де Соссюра и других буржуазных языковедов, при этом умалит роль классиков марксизма-ленинизма в разработке и освещении основных проблем науки о языке, даже таких, как язык и общество, язык и сознание.

Показательно, что на протяжении всей вводной главы книги, посвященной вопросу «Что такое язык?», в учебнике Реформатского мы не найдем ни широко известного определения языка, как «важнейшего средства человеческого общения», данного Лениным, ни ставинского определения языка, как «орудия развития и борьбы». Нет в этой главе даже ссылки на замечательную работу Зингера «Роль языка в процессе оочеловечивания обезьяны», в которой

роль большое внимание уделяется происхождению человеческого сознания и языка. Не использован здесь и ряд важнейших характеристик языка, данных Марксом.

На протяжении всего учебника А. Реформатский упорно замалчивает громадные достижения крупнейших советских языковедов. Трудно понять, как мог появиться у нас в печати и быть рекомендован для учителей школ этот учебник.

Ни в одном из упомянутых учебников по языковедению не подчеркнута, что марксистское языковедение является совершенно новым периодом в истории науки.

Объективизм, отсутствие марксистской методологии, излишнее заботливое отношение к трудам различных буржуазных ученых привели и одного из крупнейших наших русистов — акад. В. В. Виноградова к ряду серьезных методологических ошибок, а тем самым и к снижению научной ценности его большого труда, посвященного русскому языку (В. В. Виноградов. «Русский язык». М.—Л. 1947).

Академик В. Виноградов часто цитирует всевозможных авторов, не стремясь при этом разобраться в их мировоззрении. Приводит выдержки из работ В. Гумбольдта, Штейнталя, Марти, Ф. де Соссюра, Фоселера, Э. Сепира и многих, многих других буржуазных ученых, акад. Виноградов часто дает эти выдержки без всякого комментария, нередко приводит их как бы в подтверждение своих положений.

Так, цитируя Гумбольдта, В. В. Виноградов пишет: «Весь язык состоит, наряду с уже оформленными элементами, главным образом, из методов продолжения работы духа, для которой язык предвещает путь и форму». С чем, собственно, солидаризируется здесь акад. В. В. Виноградов?

Говоря о смысловом объеме слова, акад. Виноградов вдруг заявляет: «Эд. Сепир только заметил: «В аналитическом языке первенствующее значение выпадает предложению, слово же представляет меньший интерес. В синтетическом языке... понятие полнее между собой группируются, слова обставляются богаче, во вместе с тем обобщаются общая тенденция ограничивать более узкими рамками диапазон конкретного значения отдельного слова». К чему было приводить всю эту тяжеловесную цитату? В чем тут, собственно, «тонкость» замечаний Сепира? О различии между аналитическим и синтетическим строем языков более ясно, просто и не менее «тонко» писали многие русские авторы. Почему надо было пренебречь им тяжеловесную и малопонятную выдержку из Сепира? И нужна ли вообще здесь эта цитата?

Странно звучат в книге такие утверждения: «Понятие бесформенного слова в современном русском языке не приложимо. В. Гумбольдт писал...» и дальше следует большая выдержка из немецкого учебного идеалиста начала XIX века, ничего не разъясняющая в строе современного русского языка.

Подобные места, к сожалению, нередки в книге академика В. Виноградова. Это, несомненно, снижает ее научную ценность, делает ее эклектичной. Советский читатель вправе задать академику Виноградову вопрос: почему при изобилии цитат из работ маститых буржуазных лингвистов автор не смел изложить и использовать в книге новейшие высказывания о языке и мышлении, о слове, языке, в частности, В. И. Лениным в его «Философских тетрадях» и других работах? Почему дабы во вводной, методологической части работы не использованы основополагающие высказывания о языке классиков марксизма-ленинизма, противостоящие взглядам многих авторов, цитируемых акад. Виноградовым? Тогда не было бы таких выносок и явно идеалистических утверждений, как, например: «язык обогащается вместе с развитием идей».

Книга о русском языке, конечно, должна быть написана хорошим и подлинно русским языком. В глубоком огорчении, и книга акад. Виноградова и наши учебники по языковедению написаны чрезвычайно тускло и порою просто непонятно.

Советская высшая школа, к сожалению, до сих пор не имеет построенного на подлинной марксистско-ленинской основе учебника по языковедению. Очевидно, что к составлению его должен быть привлечен более широкий круг авторов — специалистов не только по языковедению, но и по смежным с ним дисциплинам.

Нужно бороться за подлинную марксистско-ленинскую разработку науки о языке, ставя во главу угла интересы политического воспитания советских людей, а не интересы личные, приятельские, добывания нового творческого подема в работе советских языковедов.

Миллионы граждан Советского Союза и многих зарубежных стран высоко ценят это издание и с благодарностью и светом благодарности и В. Сталина.

Первое издание биографии И. В. Сталина было переведено на 53 языка народов СССР и на 15 языков зарубежных стран, и том числе на сербский, болгарский, венгерский, румынский, турецкий, польский, английский, немецкий, испанский, китайский, итальянский.

Второе издание биографии И. В. Сталина уже вышло на русском, азербайджанском, армянском, грузинском, узбекском, и других языках.

Эта замечательная книга о вожди народов стала настольной книгой трудящихся Советского Союза. Обширнейший, полный, всех изданий биография товарища Сталина уже перевыпущена 3 млн. экземплярами.

На снимке: старый мастер переплетного дела казанский типограф «Татполиграф», М. Н. Штейнрейтер провешивает готовые экземпляры книги биографии товарища Сталина, выданной на татарском языке.

Фото В. МЯСНИКОВА.

Миллионы граждан Советского Союза и многих зарубежных стран высоко ценят это издание и с благодарностью и светом благодарности и В. Сталина.

Эта замечательная книга о вожди народов стала настольной книгой трудящихся Советского Союза. Обширнейший, полный, всех изданий биография товарища Сталина уже перевыпущена 3 млн. экземплярами.

Вера СМЕРНОВА НОВЫЕ КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

1. ВАСИЛИЯ ВЕЛИКАНОВ. «МОН РАССКАЗЫ». Свердловское областное государственное издательство, 1947 год, 43 стр.

Десять небольших рассказов о животных — первая книжка автора, нового в детской литературе. Большею частью это — личные наблюдения, случаи из жизни «былавого» человека, охотника и козопаса, побывавшего в разных краях большой советской земли. Эти рассказы «от первого лица» наиболее живо написаны.

В. Великанов рассказывает о собаке-пуделичке, научившейся подносить патроны во время боя, о «волжском слезиво-голубе», разном и все же достойном собою в стае, о лошади, спасшей разведчика и о медведце, убиенной камнем змею. — достаточно правдоподобные и трогательные истории «животных-героев». Но писатель не случайно подчеркивает, что «герои» животных — результат длительного воздействия человека, результат «дружбы» человека с животным. Несомненно желание автора противопоставить свои наблюдения известной книге Сетона-Томсона «Животные-герои», где животные почти всегда «героичны» сами по себе. Эта основная мысль делает книжечку Великанова более гуманной, чем рассказы американского натуралиста. Только порою автор уводит основное замысел делает некоторые натяжки. Так, в рассказе «Медведь и змея» (кетати, наиболее замечательном и хорошо написанном) автор в конце считает нужным сообщить скорострельности, что медведица, дав локоть зажитившая своих медвежат от гадоки, была... дрсированная «чужестранцами» в данном случае ничего не объясняет, а лишь разочаровывает.

Слабее другой «Пернатый герой» и «Лебедка». В них много места уделено изображению людей, а в этом автор не силен, — и красноречив Сидоренков и обер-лейтенант Гонч прописаны одинаково невыразительно.

Книга хорошо, хочется даже сказать, любовно издана, на хорошей бумаге, с рисунками, действительными и понятными детям. Среди книг других областных издательств она выделяется сразу и, несомненно, будет хорошо принята маленькими читателями.

2. БОГДАН ЧАЛЫЙ. «СНОГО СОЛОНЧАКОМУ РАКУ». Видавничтво «Молодь», КЕ, 1947 року, 31 стор.

Маленький грузин приглашает к себе на каньку товарища с Украины, а тот зовет друга к себе. Две поэды спешат на встречу — один с Украины в Грузию, другой из Грузии на Украину; друзья встречаются на станции. Пока они спорят, позади уже умиляют. И тогда, чтобы никому не обидно было, оба друга отприваляют к третьему — в Сталинград, потому что «во всех, во всех республиках есть друзья у нас».

Нерп Том два года отважно воевал с немцами фашистами. Он возвращается в родную Америку. Он встречается с мальчиком Джона, учеником чистильщика обуви. Мальчику трудно жить: после войны отец его без работы. Том надеется, что солдат поможет его страну, и отдаст мальшу свой последний доллар. На радость мальчик спешит поспешить сапоги солдату, «Белый чистит сапоги нерпу! Бел!» — и американские фашисты убивают солдата-нерпа. Каждое из двенадцати небольших стихотворений этой книжечки можно рассказать, в каждом есть событие, и в каждом действуют люди, слышатся живой разговор обо всем, что сегодня волнует и занимает советского ребенка. Эта современность, искренность, разговорность, действенность, сюжетность — несомненные достоинства стихов молодого украинского поэта Богдана Чалого, только что выпустившего свою первую книжку для детей. Эта книжечка обнаруживает сразу в поэте сознательную и стойкую «педагогичность» того особого рода, который воспитанна пионерским отрядом и характерна скорее для вожакого, чем для учителя. Поэт относится к своему герою, как старший товарищ, как старший брат, еще совсем недавно сам бывший пионером. У Чалого есть явное чувство и мысль своего героя, есть юмор есть неприязненность, есть хорошая нежность ко всему живому. Но порой си слишком (есть такой грех у петинных вожаков!) рассудительности («Приемник не работает» и «Мы придем к вам на каньку!»).

В «Балладе про негра Тома» чувствуется влияние Маяковского и Мариника. Порою разговорная интонация мешает четкости ритма, но очень богат словарь. Но есть у Чалого уже и в этой книжке чудесные эпитеты, которые запоминаются. Вот стихотворение «Вечня»: сочня уронила на землю тяжелый снег и во плне поблел рудеек. Воробей слетел напиться, а мальш смеется:

— Не пий колодець водни,
Застиданий горькою, жақты.
Издана книжечка скромно, даже бедно, рисунки в тексте мелки и невыразительны.

Геннадий ФИШ СУДЬБА ОДНОГО НАРОДА

На титульном листе этой книги написано: роман. И это верно. Но с таким же правом можно было бы написать — «история вестлоренского народа», и хотя этого народа и нет в действительности, но захватывающее внимание читателей судьба его во главе гилана для истории и судьбы многих племен Северного Кавказа.

Книга «Горы и люди» переполнена на стоющей поэзии. Читая ее, слышишь шум быстрого падения горных рек, словно адхакхень аромат трав на высоких скалистых и видишь снежные вершины высочайших гор, обгаренных по розовым светом встающего солнца, то серебристым таинственным лунным сиянием. Перед читателем в полнокровных образах раскрываются картины той жизни, о которой в свое время написал молодой Киров:

«Мы должны сказать, что не только красота скрывается в горах Кавказа, но что эта цепь горных скал является той могучей преградой, о которую разобьются все силы реакции, что в диких горных ущельях слышен не только вой ветра, но там слышна и революционная песня заатаенных надежд истинных сынов демократии».

Юрий Либендикский прекрасно знает историю народов Северного Кавказа, их обряды и обычаи. В книге много ярких страниц, посвященных именно этой стороне жизни, и, однако, нигде произведение не превращается в этнографический роман, посвященный любушным и своеобразным нравам. Все детали быта органически входят в повествование, разнаваясь сюжетом романа.

Волна русской колонизации докатилась и до вестлоренского народа. Один князь убеждал народ уйти в мусульманскую Турцию, другие стояли за то, чтобы остаться на месте. Представители царского правительства во главе с маршалам старым обманом обещали во владении вестлоренского племени принадлежавшие ему издревле обширные земли. Вестлоренцы остаются. Вестлоренские князья Батыжымы — по-прежнему эксплоатируют своих единоплеменников, входят в содружество с высшей русской аристократией, — они служат официальными охранниками императора. Проходят годы. Английские капиталистические монополии, действуя через подставных лиц, пытаются, что в вестлоренских горах тайно богатейшие рудные и серные залежи. Для разработки этих богатств необходим выход к морю, и вот затевается постройка железной дороги. Она пройдет через обширные земли вестлоренцев. Цена земли должна немощно вырасти. И князья Батыжымы, используя свои связи с высшей аристократией, добиваются от сената английского им «разрешения». С ведома Николая II нарушаются установленные законы, и земли, принадлежавшие народу, передаются в полное владение князей.

Всена. Надо выгонять скот на пастбище. Но на дорогах стоят стражики и полицейские, прергаждая путь в горы. Положение безнадолго. И народ восстает. Казачьи части с артиллерией допущены на подальнее продвижение. Такова фабула повествования. Но не печаль, не тоску сожаления о трагической судьбе обманутого, преданного, ограбленного народа оставляет роман, а радостное ощущение неминуемой градулички, близящейся победы. Потому что не все совершается так, как хотят князья, ставшие марионетками русских и зарубежных капиталистов. Автор показал, как народы рождаются и растут герои сопротивления, будущие вожаки народа, судьба которых будет связана с большевизмом. Вперед нами жизнь Науруза Керимова. В начале романа рассказывается о тезке его Наурузе Даниловиче, ставшем своеобразным Робин Гудом, разбойником — мстителем за свой народ. Путь молодого Науруза Керимова будет другим. Работая на постройке железной дороги, он убеждается в великой силе протестарской солидарности, в сравнении с которой — ничто старая уходящая в прошлое солидарность «членов рода» и еще одно вселет в нас уверенность а градуличку победы вестлоренцев. Если русский царизм посылает против поднимающегося племени своих казаков и пушки, то русский народ, рабочие посылают к нему владенного организатора, неустойного большевика, отважного, вдумчивого и решительного Константина, в образе которого читатель легко узнает благородные черты молодого Кирова. Невозможно без волнения читать, как Константин пытается установить связь с вестлоренским народом и как в дни восстания, рискуя жизнью, устремляется в аулы вестлоренцев, как они спасают его, прячут, и как он перед всем вестлоренским народом встает вестником России. Не официальной, не царской России, помогающей князьям и расставившей на дорогах к горным пастбищам своих стражников, а другой — России рабочих России Ленина и Сталина.

В романе Ю. Либендикского ясно и художественно усобищено показано, что при капитализме в каждой нации есть две нации, две культуры. Когда русский галантильный мальчик Гриша Отроков, вдохновенный местными народными напевами, создает музыкальный шедевр, сын муфтия меньшевик Джавар Касев протестует «ему казалось, что, заняв позицию противника национальной музыки, он в глазах русских будет выглядеть более предельным человеком». Джавар написал книгу, в которой «он отрицал будущее за тем малым народом, к которому сам принадлежал». Он доказывал, что раньше, чем этот народ сможет поднять голову, как буржуазный перемолот жерновыми капиталистическими руками.

Ю. Либендикский «Горы и люди», «Советский писатель», 1947 год, 605 стр.

Ю. Либендикский «Горы и люди», «Советский писатель», 1947 год, 605 стр.

Ю. Либендикский «Горы и люди», «Советский писатель», 1947 год, 605 стр.

Ю. Либендикский «Горы и люди», «Советский писатель», 1947 год, 605 стр.

Ю. Либендикский «Горы и люди», «Советский писатель», 1947 год, 605 стр.

ческого развития». И Джавар считает ущемление своего народа делом прогресса!

В Москве он встречается с русским меньшевиком, бакинским служащим Шахматовым. «Нали бы обречено крестьянство, чтобы жожкили его капиталистическая хищница?» — спрашивает Шехтман. Джавар. Прикрываясь этой «якобы революционной филозой», Шехтман сам хочет урвать свой кусок в этом сплуживании. А затем Джавар услышал от Шехтманова такую протчеведь крайнего космополитизма, что удержиме его к Шехтманову сразу возросло.

Как узнаем мы в этих русских меньшевиках сегодняшних Блюмов, Шумахеров и всех нынешних лидеров правого социал-демократии, чьими устами прогают мировые капиталистические монополии, которым становится поперек горла национальная суверенность и независимость народов? «Космополитизму» ласкает капилла seabach, как и тогда, противостоял коммунизму — подлинным защитникам народных интересов.

И вот что чрезвычайно важно! Все эти возмущения при чтении романа мысли, которые кажутся такими злободневными, появились не в результате желания модернизировать историю. Нет, они органически вытекают из художественных образов, из развития и движения самого повествования, основанного на глубоком изучении и раскрытии истории. Здесь взгляд писателя на прошлое обогатен знанием настоящего, опытом истории, творимой нашей партией, еще свыше тридцати лет. И поэтому, хотя действие романа кончается весной 1914 года, он глубоко современен и одновременно историчен.

Роман от первой до последней страниц пронизан тем характером для великой русской литературы чувством, которое, пожалуй, лучше всего выражено в словах А. П. Чехова: «Какое наслаждение узнавать людей!».

Даже в то время, когда царизм давил, унетал и безжалостно эксплоатирувал «инородцев», создавая из империи «старую» империю, великая русская литература покаяла пример уважения к малым народам, вызывая сочувствие их судьбе и поднимая свой племенной голос в защиту угнетенных. Вспомним статьи Максима Горького против антисемитизма, выступление В. Короленко из так называемого «мунтаканского дела», по поводу полицейской расправы с украинскими крестьянами в Сорочинцах в 1905 году. Кто может забыть его рассказ «Сон Макара»? Даже тогда, когда велись кавказские войны, наша литература проповедала уважение к народам и племенам, населяющим этот край. Вспомним гордые строфы лермонтовского «Мцыри» и прекрасного в своей простоте «Хаджи Мурата» Льва Толстого. Нет, не могло появиться в нашей большой поэзии таких блестящих строк, полных глумления над патриотами колониальных народов, презрения к общественному мнению и демократической прессе, какие написал английский поэт, корольский лауреат Р. Киллинг:

А за морем глумятся тызави польскую оиду:
«Патриот сражается за страну и оступо
И мстияя пресса ма устала кричать,
Но левата на тумезную почта
Солдаты в хайн, что в джунглих пил...»

(Баллада о Бо-Ла-Теле)

Как эти строки напоминают деду и пещи некоторых делегатов на Ассамблее ООН! И, однако, при всем своем высоком гуманизме, русская литература до революции, совершая огромное прогрессивное дело, вызывая симпатии к угнетенным, сочувствуя им, все же не могла точно указать подлинных путей освобождения.

Продолжая в неуколной и непрестанной борьбе со всеми проявлениями национализма и его пережитками, ленинско-сталинская национальная политика — для советского писателя возможность и счастье создавать реалистические произведения, проникнутые не только высоким духом гуманизма и симпатии к угнетенным ранее народам, но и показывающие тот реальный путь, по которому они идут к расцвету.

Будучи примером для национальной литературы, русская советская литература сама берет за эту важную и острую тему. Вспомним трогательный образ партизанки-капитан в «Партизанах» Вс. Иванова, удающийся Сарла из романа А. Фадеева «Последний из уазгов», Находко замполита Мы и роман «Голубой цветок» Л. Писмыкова — книгу о народах Северного Кавказа. Разве все это — не прямая жизнь утверждающая полемика с расистами?

И не случайно, что сейчас, когда на весь мир прозвучали пламенные речи наших делегатов, разоблачающие полное банкротство национальной политики Британии и США, речи, утверждающие торжество сталинского дружбы народов — в нашей литературе появляются книги о том, что означает в жизни народа это торжество. Назовем только несколько произведений, посвященных этой теме, пусть они незнакомы и по таланту авторов и по глубине раскрытия жизненного материала. Это книга Т. Семичина «Аллитт уходит в горы» о самом северном народе, живущем на Чукотке, роман П. Лукницкого «Нисес» — о народе, обитавшем на рубеже нашей страны. В Средней Азии, книга рассказов о немцах писателя Иасна Меньшикова, подвигавшего на фронте Отечественной войны.

И, наконец, «Горы и люди» Юрия Либендикского. Чем больше думаешь об этой книге, об ее героях и их судьбе, тем больше чмсется и идея она возбуждает.

«Горы и люди» — это большая удача писателя, еще раз подтверждающая слова товарища Молотова о том, что «ныне лучшее произведение литературы принадлежит перу писателя, которые чувствуют свою неразрывную идейную связь с коммунизмом».

Ю. Либендикский «Горы и люди», «Советский писатель», 1947 год, 605 стр.

Ю. Либендикский «Горы и люди», «Советский писатель», 1947 год, 605 стр.

Ю. Либендикский «Горы и люди», «Советский писатель», 1947 год, 605 стр.

Ю. Либендикский «Горы и люди», «Советский писатель», 1947 год, 605 стр.

Ю. Либендикский «Горы и люди», «Советский писатель», 1947 год, 605 стр.

Ю. Либендикский «Горы и люди», «Советский писатель», 1947 год, 605 стр.

Ю. Либендикский «Горы и люди», «Советский писатель», 1947 год, 605 стр.

Ю. Либендикский «Горы и люди», «Советский писатель», 1947 год, 605 стр.

Ю. Либендикский «Горы и люди», «Советский писатель», 1947 год, 605 стр.

Ю. Либендикский «Горы и люди», «Советский писатель», 1947 год, 605 стр.

Ю. Либендикский «Горы и люди», «Советский писатель», 1947 год, 605 стр.

Ю. Либендикский «Горы и люди», «Советский писатель», 1947 год, 605 стр.

Ю. Либендикский «Горы и люди», «Советский писатель», 1947 год, 605 стр.

Ю. Либендикский «Горы и люди», «Советский писатель», 1947 год, 605 стр.

Ю. Либендикский «Горы и люди», «Советский писатель», 1947 год, 605 стр.

Ярополк СЕМЕНОВ Паспорттизация безграмотности

Если читатель, привлеченный яркой обложкой, раскроет сборник «Песни Севера» и прочтет первую повесть, он, пожалуй, тут же отложит книгу в сторону. Вот первые строки этой песни:

На Негринском поле под стеной Моекской
Нерварий, горячий кипел смертный бой.
Горлы колодець, горлы сады,
Врат валак к заветной Кремлевской стене.

Когда под подобным стихотворением подана фамилия автора, оно поступает в ведение литконтсультанта, и автору посылает ответ, в котором разъясняют, что изнеты типа «смертный бой», «горячий бой» и т. п. суть штампы, которых следует избегать, что словосочетания «кипел смертный бой» и «врат валак» не укладываются в ритм амфибрахий, что окончания вроде «сады» — «стены» не являются рифмой, и что по-русски нельзя сказать «гравель к заветной стене».

Когда же под стихотворением нет фамилии автора, когда оно не написано, а «записано», тогда то же самое малограмотное и беспомощное стихотворение илгенуют «народным творчеством». Вместо того, чтобы учить автора русскому языку и стихосложению, начинают «слушать» его произведение, издают многостраничные тирады. Почему же это происходит? Безусловно, только потому, что многие современные фольклористы до сих пор не могут отрешиться от традиционного пре-

клонения перед «собранием», «записыванием» и «паспорттизацией».

Повидимому, многие собиратели-фольклористы забывают о том, что «мы уже не те русские, какими были до 1917 года...».

Давно пора отказаться от фетишизации «записывания». Отсутствие подписи автора не может в нашу дню служить оправданием низкого художественного качества произведения.

В последующих разделах сборника дано немало впервые публикуемых песен, многие из которых представляют собой подлинно высокие образцы народного песенно-поэтического творчества.

В разделах «Песни протяжные», «Песни хорошевые, игровые и плясовые» и «Песни шутливые и частушки» возвращение вызывает лишь примененный составителями метод транскрипции текста:

Мыл подарки не принимаю,
Не чего со мной не бает,
Не чего не говоюю...
(Ав. Дуя, Дуя).

... Да ты не идешь ли девушка замуж
за меня?
Да я не иду не иду, не думаю идти...
(Дж ты, трочка, трочина мила).

Уже по этим двум примерам видно, что вопросы транскрипции не продуманы составителями. С одной стороны, стремясь приблизить текст к нормам литературного произношения, составители явно нарушают песенный ритм, а с другой стороны, дают запись диалектного произношения таким, где это вовсе не вызывается ритмическими требованиями. Не ясно ли, что при-

веденные строки следовало бы, сохраняя произношение, записать так:

... Мыл подарки не принимаю,
Ничего со мной не бает,
Ничего не говоюю...
... Да ты не идешь ли, девушка, замуж за меня?
Да я не иду, не иду, не думаю идти...
(Ав. Дуя, Дуя).

Следы неграмотности и неадекватности видны в сборнике повсюду. Так, например, на стр. 116 дан словарь местных слов, встречающихся в песнях. Дело очень хорошее и нужное. Но, кроме несомненно, может вызвать попытку составителей дать русскому читателю такое объяснение: «Бур — горюшка, пригорюк», «Ланушка — ласкательное — милая», «Сужений — предвещания судьбы», «Уникала — угоняла, убеждала» и т. д. Неужели составителям не известно, что все приведенные слова — общерусские, а вовсе не местные диалектизмы? Право же, становится непонятно, почему к слову «лошадка», встречающемуся на стр. 48, не дано пояснения — «род домашнего животного», а к слову «троника» (стр. 100) — «вид коммуникация».

Все эти редакционные промахи сильно снижают ценность сборника «Песни Севера» и смугают стать немойшей его популярностью, меж тем как десятки опубликованных в нем песен могли бы значительно обогатить репертуары самодеятельных и профессиональных хоров, тем более, что все песни сборника снабжены нотами, что и следует поставить в заслугу составителям А. Колонцовой

ПРИЗРАКИ НА ВООРУЖЕНИИ

1.

«Призраки никогда не чувствовали себя так хорошо в английской литературе, как сейчас. И это всегда знаменательно. После войны они возобновили свою деятельность с необычайной жизненной силой». Так писал Луи Парро на страницах парижской газеты «Леттр Франсез», анализируя два новых английских романа, где главные действующие лица — привидения: роман Тони Смита и Нормана Истена «Моя жена — ведьма» и роман Френсиса Эксема «Испепеленное сердце».

Понятие о современной послевоенной английской буржуазной прозе почти совершенно исчезли полнокровные, живые человеческие характеры. Их место заняли призраки, тени, привидения или, в лучшем случае, отдаленные подобия людей, условные фигуры. Еще в большей мере это замечание можно отнести к современной английской поэзии. Последний сборник стихов английского поэта и новеллиста, лидера группы «Аполлинисты» Генри Триса так и называется «Сад, где бродят призраки». Последняя поэма на атомную тему Эдит Ситвелл озаглавлена «Тень Каина». Это — самое значительное из того, чем «козыряют» обреченные английской поэзией в этом году. Но и эти «шедевры» только наводят уныние: в них нормальные человеческие чувства заслоняются то реминисценциями прошлого, то кошмарными предчувствиями будущего.

И все же даже подобные стихи, поэмы и рассказы о привидениях кажутся идиотскими по сравнению с тем, что сегодня выпускает американская кинопромышленность, что зачастую показывается на экранах буржуазного Запада. Эти экраны почти целиком захвачены продукцией Голливуда. Голливуд становится штаб-квартирой, которая выпускает призраков во все концы земного шара. Причем вся эта поэзия кошмаров и ужаса фабрикуется в Голливуде отнюдь не кустарным способом, а методом высокоосвоенной промышленной техники, с постановочным блеском и в масштабах, исключительных по своему размеру. Вот, для примера, названия некоторых голливудских картин: «Призрак вампира», «Страшный привидение», «Дочь дьявола», «Человек-чудовище», «Женщина-паук», «Душителек с болота», «Привидение рассказывает», «Женщина-вампир», «Долина чудовищ» и т. д. и т. п. А сейчас американская кинофирма «Универсал» объявляет о новом выпуске «супер-ужасных фильмов», от которых, как сказано в рекламе, «зрителя должны охватывать судороги».

Режиссеры и сценаристы Голливуда всечасно соревнуются между собой, гонятся ужасы и фантастические, изобретают все новые и новые сюжетные приемы, лишь бы поострее пощекотать нервы зрителя, лишь бы привести зрительный зал в судорожное состояние. Бесплотные призраки в этих фильмах действуют исключительно кроваво-жадно и plotting. Они мстят живым за то, что те смеют жить и радоваться жизни. Иной раз гангстерские фильмы кажутся детской забавой по сравнению с некоторыми фильмами о призраках. В картине «Женщина-паук» центральное место занимает некое растение — платоидное растение! — оно питается людской кровью и выделяет яд, убивающий других людей.

Недавно мы прочитали на страницах американского журнала «Паблшерс уикли» следующую информацию о новом сборнике «страшных рассказов», собранных Алфредом Хичкоком. «Когда вы думаете о чувстве страха», — сообщает «Паблшерс уикли», — вы вспоминаете об Алфредо Хичкоке, режиссере таких лишающих присутствия духа и силы воли классических фильмов, как «Тринадцать шагов», «Лед исчезает» и «Иностранная корреспонденция». Теперь, не довольствуясь тем ужасом, который он вселял в сердца своих зрителей, мр Хичкок издал книгу, которая должна окончательно парализовать смелость читателей.

«Из своей собственной библиотеки я имею сейчас в ней литературы страха, он отбирает двадцать семь рассказов, которые больше, чем какие-либо другие рассказы, держали его самого в состоянии трепета. В книгу включены такие писатели, как Грахем Грин, Уильям Айриш, Флинт Броттон, Марджори Шарп, Джеймс Кэйн и другие, с помощью которых любой читатель может почувствовать смертельный испуг».

Подобного рода нагнетание ужасов и кошмаров характерно и для продукции Джима Фаррела, тем более вредно, что она прикрывается высшей демократической фразеологией. (Кстати сказать, Б. Вуковский в прошлом номере «Литературной газеты» неоправданно и искаженно охарактеризовала общую писательскую деятельность этого писателя-американского империалиста, который, критикуя американскую действительность, в то же время провакционально культивирует неверие рабочего класса в свои силы).

На первый взгляд может показаться, что такие книги и фильмы принадлежат, как выражаются на Западе, к скептическому жанру, и что их задача — угодить зрителю от реальной действительности. Это совсем не так. Это не произведения бегства. Это произведения наступательные. Кроваво-похотливо пропитана фантазия их авторов. Они агрессивно насаждают на зрителя, на его образе, «смешают» его сознание, будят в нем звериные аттавистические инстинкты.

Поэтому не следует ограничиваться справедливым указанием на то, что эта «фабрика призраков» приносит далеко не прибыль, огромные доходы поставщикам подобной продукции. Это не просто коммерческая спекуляция на послевоенных переживаниях и неврозах жителей капиталистических стран. Эта продукция сопровождается и обосновывается соответствующей политически-агрессивной реакционной философией и публицистикой, которая с возрастающей интенсивностью страдает и запугивает зарубежного зрителя и читателя.

2.

В этом походе, который ведет современный империализм против большинства трудящихся, против демократов, люди реакцион прежде всего заморочены в расслабленные нервы тех, кого они хотят прерватить в свое пущее место. Вот почему называют эту фабрику призраков только «фабрику на явях» было бы сейчас крайне неадекватно. Это прежде всего — систематическое и планомерное наступление на нервы. Причем это наступление зачастую приобретает многообразные формы, о которых стоит рассказать.

Начнем с того, что в данный момент многие реакционные идеологи со всех концов мира — научность выдвигают идеологических персонажей на одно из первых мест в искусстве.

Многие последние американские и английские фильмы представляют собою серьезные разрушенные истории той или иной психической болезни. Такова картина «Мадонна семи лун» (о раздвоенной личности у

А. ЛЕЙТЕС

шизофренички). Таков премированный в Англии фильм «Седьмая вуаль» (об амнезии и ее корнях). Этот последний фильм, как и большинство такого рода «психиатрических» фильмов, попрежнему рекламирует модный сейчас в буржуазных кругах фрейдизм. Картина «Потерянный конец недели» (которую США показали на фестивале в Каннах), с исключительной детальнойностью изображает, как алкоголик доходит до «белой горячки».

В обоснование этого в американском толстом журнале «Сьюзи» ревью была опубликована большая статья Паркера Тейлора, глубокомысленно озаглавленная: «Шизофренические мотивы в кинематографии». По статье этой выходило, что почти каждый актер и почти каждый зритель может найти в себе те или иные симптомы сумасшествия.

Клинический подход к душевной жизни героев зачастую преподносится в современном буржуазном искусстве, как некое формальное «новаторство». Так, например, обстояло дело с одной из последних театральных постановок в Лондоне. Ставился новая пьеса Флориды Скотт-Максуэлл «Я сказал себе». Сам по себе сюжет этой пьесы весьма тривиален. Все ее действие связано с проблемой adultery: муж, жена, любовник. Новым в пьесе является то, что роль жены на сцене одновременно исполняют три актрисы, мужа — одновременно играют два актера. Два актера подчеркивают раздвоенные личности мужа. Одновременное присутствие на сцене трех актрис призвано выразить окончательное расщепление душевного мира героини. Подобного рода формалистическое «новаторство» как бы душой воплощает самые тяжелые формы душевной болезни, которые следовало бы изучать только в строго изолированных палатах клиник, а не на сцене театра.

Как известно, некоторые душевные болезни иной раз бывают не менее заразительны, чем широко известные инфекционные заболевания. Как известно, существуют правила не только физической, но и душевной гигиены. Вот почему некоторые острые формы душевных болезней обычно подвергаются изоляции. Между тем современное буржуазное искусство не только нарушает эти правила душевной гигиены, но и предпочитает, выставляя напоказ ту или иную душевную болезнь, хотя бы частично распространить ее возбудитель. И не случайно — в свою очередь — реакционные историки литературы и публицисты во Франции подают сейчас «на шпиль» душевнобольного маркиза де Сада, объявляют его «классиком свободы», «пророком XX века», с большой помпой переводят и комментируют его давно забытые сочинения.

3.

На примере той рекламной шумихи, которая создается сейчас за рубежом вокруг образа маркиза де Сада и его произведений, явственно всего раскрывается антигуманистический принцип, во имя которого реставрируются, осовремениваются и вооружаются мрачные призраки прошлого.

В этом году в Париже вышла книга Пьера Клоусовского «Сад, мой близкий». Эта книга не только воспекает и «обосновывает» извращения этого человека, но и объявляет его «религию зла» — «превышительной современной». По Пьеру Клоусовскому, маркиз де Сад, рассматривая жизнь, как «шарп» — не только считал, что надо пользоваться каждым случаем, чтобы «составить человека», выжить все то зло, на какое он способен, «надо поощрять все пороки, превозносить все преступления, создавать таким образом, состояние перманентной преступности, которая приводит к самоничтожению человечества». Видя в «зловещем восторге Сада» «прямое желание уничтожить человека до самого отрывного скотства», Пьер Клоусовский не только не осуждает, а бредовые тезисы извращенного человека, но только не возмущается его призывами к перманентной преступности и к «самоуничтожению человечества», но, напротив, восхитенно противопоставляет их прогрессивной и материалистической философии французских энциклопедистов.

Никогда так тщательно не издавалось, так заботливо не разукрашивалось

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

ЗАДАЧИ ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Новая таджикская литература создавалась на основе фактов нашей героической советской действительности, как наследница лучших прогрессивных и художественных традиций богатейшего народного творчества и древней классической литературы. Она выросла в жесточайшей борьбе с буржуазно-националистической идеологией. Огромное и благотворное влияние на современную таджикскую литературу оказала русская классическая и советская литература.

В 1929 году Таджикская республика вошла полноправным членом в создание союзных республик. На фоне победы колхозного строя, зарождения собственной индустрии крепла и наша таджикская литература — социалистическая по содержанию, национальная по форме. Раньше в таджикской литературе основным героем был декан, хозяйство республики было преимущественно сельским. Сталинские пятилетки обогатили нашу литературу новыми героями — рабочими и интеллигентами, образцами коммунистов.

Таджикская советская литература, начиная с первых произведений Садрриддина Айн, пытается правдиво отобразить формирование нового советского человека. Если Садрриддин Айн — основоположник советской таджикской прозы, то Абулхасма Лакхути стал зачинателем новой таджикской поэзии. Творчество этих писателей создавало воспитанию поколения талантливых поэтов и прозаиков. С их помощью в литературу вошли Паплав Сулаймон, Мухаммад Рахми, Джалол Икрами, Сухайли, Амин-Заде.

Молодая таджикская проза, при значительных своих достоинствах, однако, имеет еще ряд существенных недостатков. Одно из значительных произведений нашей прозы — роман Рахим Джалила «Гульру». Основная заслуга Джалила в том, что он первый в таджикской прозе создал образ русского революционера-демократа и молодого таджика-большевика, самоотверженно борющихся за счастье своего народа. Но роман этот страдает натурализмом, написан трудным языком, полным провинциализмом.

Серьезные обвинения следует предъявлять роману Д. Икрами «Шола». Автор романа нашел яркие краски для создания отрицательных образов, в то время как образы

наследие маркиза де Сада, как сейчас. В этом году в Брюсселе переиздана его книга «120 дней содома», Французский критик и философ Жан Полян преподнес пражским читателям первый вариант «Жюстин» де Сада в сопровождении подробнейших комментариев. А известный реакционный критик Морно Нало готовит к концу этого года очередную книгу «Избранные отрывки» Сада. Призрак извращения маркиза «вдохновляет» многих современных реакционных писателей Франции. Летом этого года в парижской буржуазной газете «Ла Батай» появилась статья Жильбера Гюймонно под заглавием «От Сада до Мальро». Автор этой статьи весьма убедительно показывает глубокую внутреннюю связь между творчеством Сада и произведениями Андре Мальро с навязчивой идеей убийства в его творчестве, с его пристрастием к сценам утонченных пыток и самоубийств.

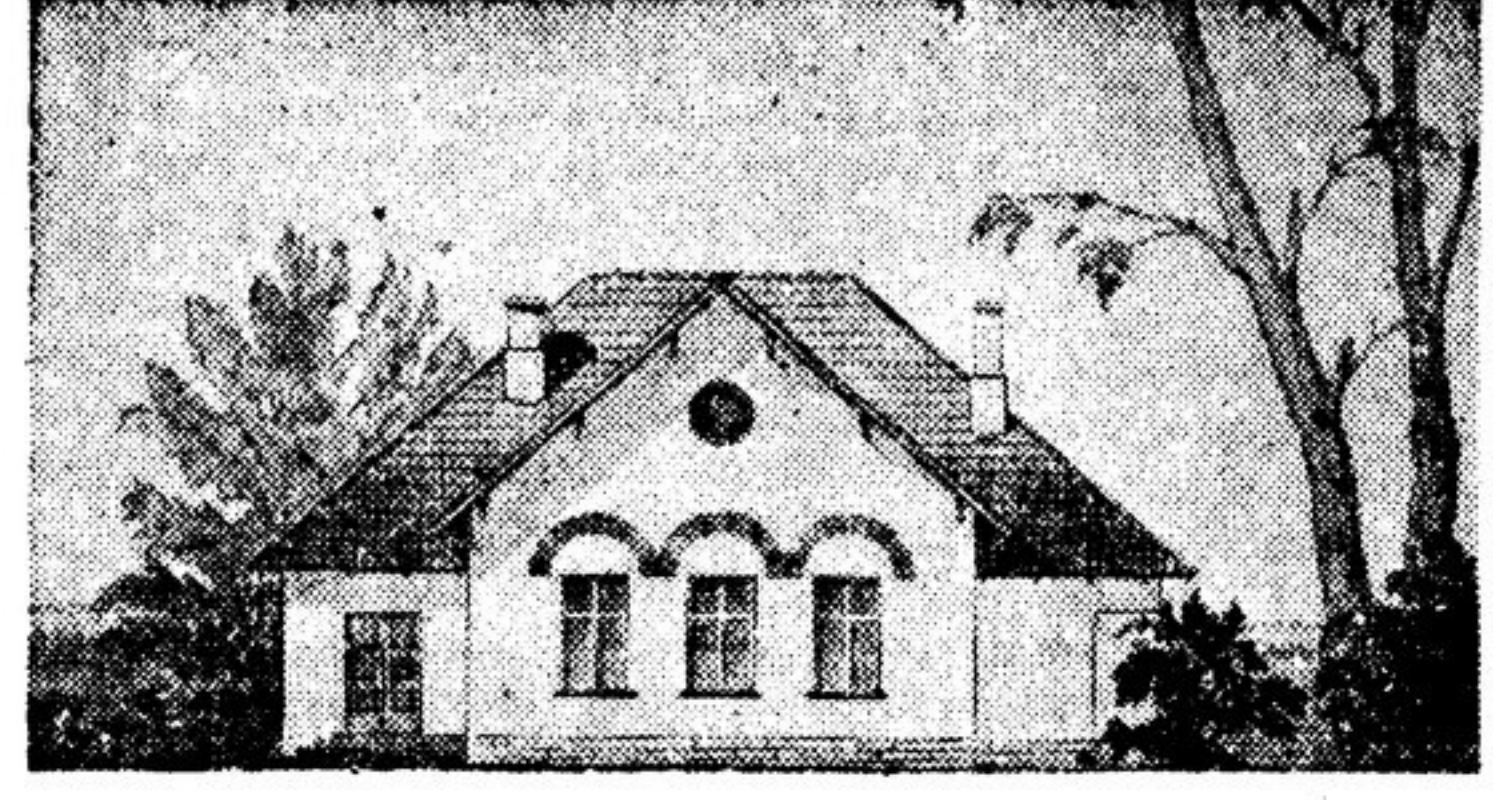
Случайно ли то, что для укрепления своего идеологического оружия империалистическая реакция вынуждена обращаться сейчас к теням и призракам, к мистическим заклинаниям и запугиваниям? Нет, не случайно. Это пытаются запугать своих читателей те реакционные идеологи, которые сами запуганы ростом сознательности трудящихся. Именно потому, что борьба двух лагерей — империалистического и антиимпериалистического — происходит сейчас в обстановке ослабления сил капитализма и укрепления сил социализма и демократии, именно потому, что силы, стоящие за мир, сильны и велики, идеологическая тактика реакционного лагеря сводится сейчас к «воспитанию» слабонервных и их запугиванию, ко всяческому приему психического шантажа, с помощью которого империализм пытается ввести разложение в ряды трудящихся, отравить их сознание, создать у них чувство душевной подавленности и фаталистической покорности.

К этому сводится и широко распространенная на Западе литература атомного шантажа, цель которой — ослепить читателя, пробудить в нем звериные, аттавистические инстинкты. Высокочувствительность о «литературе атомного века», эти буржуазные писатели несут в нем только чувства и мысли пещерного человека. Так, во французском журнале «Фонтен» новая «поэтическая школа» — «летризм» прогностически декларирует расщепление слова на буквы, которые «могли бы передавать хрипы, храпы и прочие звуки тела». «Вудуе, — восклицает Эндрио Изу, лидер этой идеологической школы, — заключается в том, чтобы раскрывать букву, ибо искусство, — как он выражается, — это «беспредельная микрокопизация и повышение внимания к тому, что до сих пор казалось второстепенным, отталкивающим или просто пошлым».

В прошлом году в Лондоне вышла книга епископа Нокса под названием «Бог и атом». В одной из глав этой книги, озаглавленной «Атомизм и токсизм», епископ пытается «доказать», что открытие внутриатомной энергии только подтверждает средневековую схоластическую философию Фомы Аквинского. Слестолобово приписывая у циклотрона, митризации являющие и патентованные механизмы производят расщепление человеческого сознания, как последний «крик моды» в области буржуазной идеологии.

Это «расщепление человеческого сознания», сочетающееся с культом животных инстинктов, является одним из нагляднейших показателей фашизации современного буржуазного искусства. Недавно в Америке опубликована интересная книга Кракауэр, озаглавленная «От кабинета доктора Каллигали до Гитлера». Анализируя современную американскую поэзию «кошмаров и ужасов», сравнивая ее с немецкими фильмами догитлеровского периода, иллюстрируя, как подобного рода «искусство» деморализует читателя, Кракауэр приходит к убедительному выводу, что «культ садама в американском творчестве является эмоциональной предшлюской к фашизму».

В этой связи с еще большей отчетливостью и ясностью вырисовывается перед прогрессивным человечеством огромное вехущее значение принципов советской литературы, которая открывает человеку богатые возможности, заложённые в нем, укрепляет веру народов в свои силы, вооружает их для дальнейшей борьбы со зловещими привраками и темными силами врагов человечества.

В 1946 году в СССР появились сотни новых школьных зданий, в которых будут учиться десятки тысяч детей и юношей. Большинство новых школ в селах и городах будет строиться по типовым проектам, разработанным архитектурно-проектной мастерской Министерства просвещения РСФСР. Мастерская разработала 15 типовых проектов школьных зданий. Все они утверждены Комитетом по делам архитектуры при Совете Министров СССР. На снимке: типовые проекты сельской семилетней школы на 40 учащихся (автор проекта архитектор А. Крылов) и городской восьмилетней школы на 80 учащихся (архитекторы И. Бариновский и А. Крылов).

Издательство «Советский писатель» в 1947 году

НА РАСШИРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДИУМА ССП СССР

15 декабря на расширенном заседании Президиума Союза советских писателей СССР совместно с членами правления и писательским активом был заслушан доклад директора издательства «Советский писатель» Г. Ярцева о работе издательства в 1947 году.

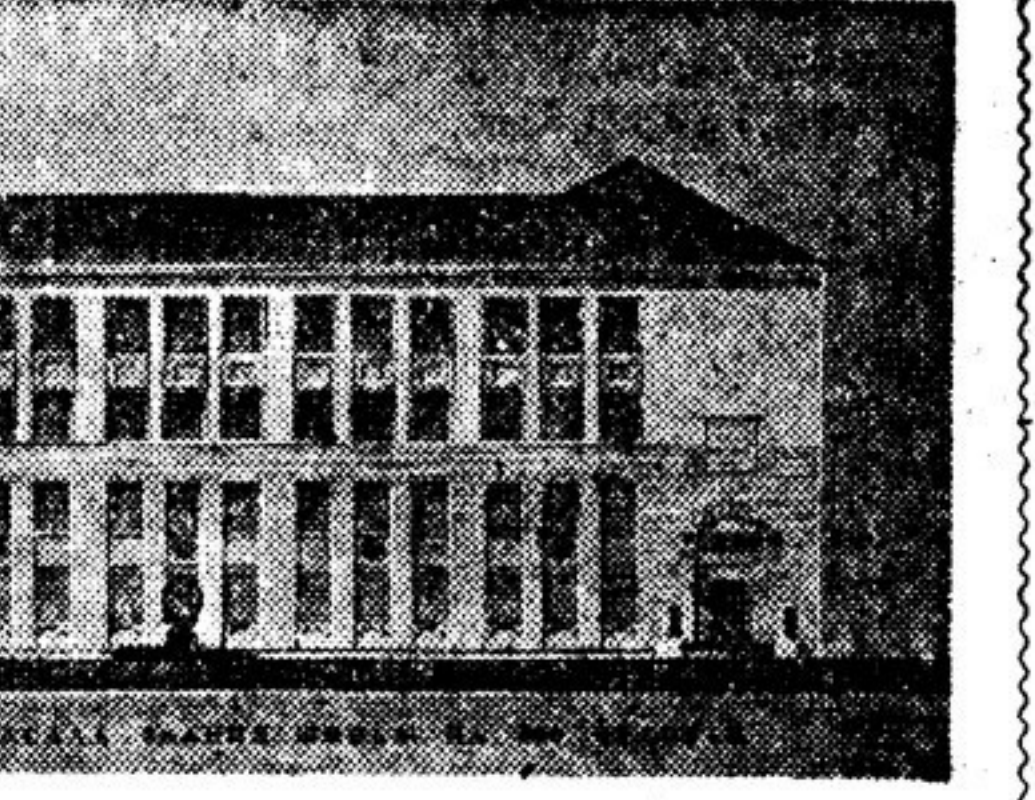
Данные, приведенные Г. Ярцевым, свидетельствуют о несомненных сдвигах в практике издательства. Увеличилось количество выпускаемой продукции — в отчетном году вышло около 200 названий, что примерно в пять раз превышает количество книг, изданных «Советским писателем» в 1945 году. Всеобщее признание получило такое мероприятие издательства, как выпуск «обильной серии», включающей в себя лучшие произведения, написанные за 30 лет советской власти. Появились новые произведения на современные, послевоенные темы. Большие внимания стало уделять издательство литературе братских народов, в частности, ее прозе, которая очень редко появлялась раньше в русских переводах. По этому разряду выпущены книги классиков украинской литературы В. Стефанюка, Айбика, Н. Рыбака, Л. Смелянского и других, напечатаны в выпуске романы Ивана Е. «Наливайко», В. Лавинского, А. Улитса «Зеленая земля», Б. Кербасаева «Решающий шаг», новые произведения А. Гончарова, Т. Сыдыкбекова, сборники новелл белорусских, литовских, еврейских, армянских писателей и т. д.

Г. Ярцев признает, что в деятельности издательства имели место недостатки, порою весьма значительные. «Советским писателем» были выпущены в 1947 году и книги, небрежно отредактированные или явно недоброкачественные. Слабо представлен отдел литературоведения. Ряд книг выходит с большим опозданием. Многие недостатки в работе «Советского писателя» Г. Ярцев объясняет слабой активностью редакционного совета, невниманием к деятельности издательства со стороны секций и комиссий Союза советских писателей и, в особенности, со стороны критики: больше половины книг, вышедших в 1947 году, не получили никакой оценки критики.

Одно из главных препятствий к более широкому развертыванию деятельности издательства — отсутствие у «Советского писателя» своей полиграфической базы.

С характеристикой работы издательства «Советский писатель» выступили А. Сурков, Л. Субоцкий, О. Резник, В. Гольцев, С. Егенов, Б. Емельянов, А. Фалеев. Все ораторы не оспаривают того факта, что в работе издательства обозначились заметные сдвиги. Однако, — с этой особенной силой подчеркнул А. Фалеев, — имеет место и заметная сползновение работников издательства. О ней свидетельствует появление книг не только серых, безличных, малолучшеобразных, вроде произведений О. Ровинского «Венгерские рассказы», А. Соколова «Мешков», С. Колдунова «Огни победы» и др., но и книг определено вредных, идеологически нам чуждых, подлежащих самому решительному осуждению. Одной из таких книг является, по мнению А. Фалеева, исследование А. Долнина — «В творческой лаборатории Достоевского», выпущенное Ленинградским отделением

Таковыми будут новые школы

В 1946 году в СССР появились сотни новых школьных зданий, в которых будут учиться десятки тысяч детей и юношей. Большинство новых школ в селах и городах будет строиться по типовым проектам, разработанным архитектурно-проектной мастерской Министерства просвещения РСФСР. Мастерская разработала 15 типовых проектов школьных зданий. Все они утверждены Комитетом по делам архитектуры при Совете Министров СССР. На снимке: типовые проекты сельской семилетней школы на 40 учащихся (автор проекта архитектор А. Крылов) и городской восьмилетней школы на 80 учащихся (архитекторы И. Бариновский и А. Крылов).

По следам материалов «Литературной газеты»

Ответ министра путей сообщения тов. И. Ковалева

13 декабря с.г. в «Литературной газете» было напечатано письмо начальника Главного управления тов. Вейнова и директора Камского бумажного комбината тов. Тунманова «Обязатели ли для Перской дороги приказ министра тов. Ковалева?»

В письме говорилось о том, что на Камском бумажном комбинате скопилось свыше 400 вагонов бумаги и целлюлозы. Управление Пермской железной дороги не выполняет приказа министра путей сообщения СССР тов. И. Ковалева о подаче вагонов бумажным комбинатам Молодцовской области для разгрузки запаса, образовавшегося в связи с этим письмом министр путей сообщения СССР тов. И. Ковалева отдал специальное распоряжение усилить формирование крытых вагонов для Пермской дороги. Начальнику управления Пермской дороги тов. Самохвалову дано указание немедленно усилить подачу вагонов Камскому и Соликамскому бумажным комбинатам с тем, чтобы разгрузить предприятия от сверхнормативных остатков продукции.

Тов. Ковалева сообщает также, что над отгрузку бумаги на Пермской дороге Министерством путей сообщения установлен специальный контроль.

Творческий вечер П. Воронько

В обсуждении стихов П. Воронько, прочитанных автором на творческом вечере в Доме литераторов, и переводов этих стихов, сделанных П. Шубиным, В. Званицыной, М. Львовым, М. Шехтером и Г. Абрамовым, приняли участие многие поэты и критики.

Считаю наиболее удачным и зрелым произведением П. Воронько балладу «Из неметчины в черетчину». А. Твардовский высказал мнение, что искренний лиризм этой вещи, ее поэтическая непосредственность и четкость отбора изобразительных средств должны послужить автору отправной точкой в его дальнейшей творческой работе. Эту же мысль высказал в своем выступлении А. Софронюк.

По мнению С. Шипачева, доходчивость и ясность стихов П. Воронько в большой степени определяются их лиризмом, ясностью разговорных интонаций.

О хорошей языковой культуре и оригинальной ритмике П. Воронько говорил П. Антокольский.

О жанровых и стиливых особенностях творчества П. Воронько и об отдельных неудачах поэта говорили М. Максимов, А. Грысенков, Л. Ошанин, А. Кронгауз, И. Молчанов и украинский поэт М. Стельмак.

Памяти И. Уткина

— Мы не вправе забывать о тех, кого потерял в годы Отечественной войны — сказал П. Вершурин, открывая в Центральном Доме литераторов вечер памяти Иосифа Уткина, устроенный военной комиссией Союза писателей. — И мы собрались здесь, чтобы почтить память нашего товарища по перу, мужественно сражавшегося за свою Родину.

О мужестве, ставшем темой творчества и личной жизненной поведенья поэта, говорил А. Жаров. Свое отношение к Родине И. Уткин выразил в лаконичных стихах о войне:

Ключусь: навад я шату!
Скорей я мертвыи сам
На эту землю лягу.
Чем эту землю дам.

А если я нарушу
Ту клятву, что дам,
А если влду я шату
Перед врагом в бою,
Суровой мерой мёрть
Позор мой виню.
Путь покажет смертью
Меня закон войны!

Жизнь Иосифа Уткина оборвалась рано. О продолжавшейся жизни стихов И. Уткина, неутомимого певца молодости и отчаяния, говорил в своих речах М. Голдшнейдер, Е. Домластовский, А. Яшин, А. Коваленков, М. Светлов, Л. Никулин. А Коваленков поделился воспоминаниями о первом своем знакомстве с поэтом во время его работы в «Комсомольской правде». К этому же периоду жизни творчества И. Уткина отнеслись и воспоминания М. Голдшнейдера, подчеркнувшего, что Уткин в те годы выявил себя не только как талантливого, горячий комсомольский поэт, но и собрался прекрасных произведений советской поэзии. Это он первый напечатал на страницах «Комсомольской правды» такие прекрасные вещи, как «Гренада» М. Светлова и «Дума про Опанаса» Эд. Вагричкова.

Поэты вспоминали о своих фронтowych встречах с Уткиным в годы Великой Отечественной войны.

М. Светлов прочел новое стихотворение «Артист», которое он посвящает памяти поэта-друга.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Горько благодарю всех, кто прислал мне привет и поздравил меня с высокой правительственной наградой и моим 60-летием.

С. МАРШАК.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.